

Евгений Якубович

РАССКАЗЫ

проза

© 2003 - 2013

Содержание

MADE IN USSR

Что едят американские безработные

Поэт

Обломов

Фокусник

Опоздал!

Адажио

MADE IN RUSSIA

Воскресный папа

Тамарин День

Смерти Моей Хочешь

Один Мальчик

Инопланетянка

ФСБ, Морзе и лесные пожары

Дом, который построило СМУ

MADE IN ISRAEL

Все хорошо

Иврит

Рисовая лапша с курятиной

Евгений Якубович

рассказы

MADE IN USSR

Что едят американские безработные

В научно-исследовательский институт пришла разнарядка на место в компартии. Райком тщательно соблюдал установленный процент присутствия в партии всех слоев населения. И вот оказалось, что для сохранения баланса райкому требуется молодая, но незамужняя девушка со среднетехническим образованием, корейнка по национальности. По каким принципам было вычислено, что только незамужняя корейнка из техникума могла укрепить ряды районной парторганизации непартийному человеку не понять. Но нужна была именно она, и никто другой.

Так или иначе, но нашлась у них такая кандидатура. Подходила по всем параметрам.

Девушка корейка, со звучным именем Маргарита, окончила техникум мелиорации, и работала в отделе техником. Замужем не была, и особых шансов на удачное замужество не имела по причине невыразительной внешности, застенчивости, вызванной неумением вести себя на людях и, скажем так, общей недалекости. Не то, чтобы она вообще не рассчитывала выйти замуж. Жила она в пригороде, в корейском совхозе, и конечно там ей уже приготовили жениха. Но Маргарита героически ездила на электричке на работу к нам, в столицу, и мечтала выйти замуж за сотрудника НИИ, чтобы получить городскую прописку. По возрасту она уже упиралась в верхнюю проходную границу, но надежды не теряла. Партком, ее возраст, похоже, тоже устроил. Разнарядку на место в партии упускать было нельзя ни в коем случае, и местный партийный босс принялся за подготовку нового члена.

В отделе, как было принято, все сидели вместе в одной большой комнате, и были друг

у друга на виду. Кстати, именно так тогда и говорили: "Я сижу в комнате номер пятнадцать" или "мы сидим на втором этаже". Сколько лет я проработал в разных НИИ, но нигде не слышал, чтобы кто-то сказал "я работаю на втором этаже". И вот, отрывают как-то эту девицу от сидения, и вызывают в партком. Это они потом уже узнали, что в партком. А так – просто кто-то позвонил по внутреннему телефону и попросил Маргариту. Она подошла к телефону, взяла трубку, ойкнула, минуту послушала и ответила – да, конечно, сейчас приду. Положила трубку, как-то странно посмотрела на всех, сказала, что ненадолго выйдет, и убежала. Местный остряк Борька не замедлил процитировать вслух: "Графиня изменившимся лицом бежит пруду", за что удостоился улыбки красавицы-интеллектуалки Леночки и осуждающего взгляда профорга отдела. О чем с ней там говорили, что и как объясняли – неизвестно. Но через пару часов Маргарита вернулась, запыхавшаяся от волнения.

– Товарищи! – говорит. – В моей жизни произошло знаменательное событие.

Ну, бабы естественно оживились: переглядываются, перемигиваются. Глава женского коллектива, старший техник Калугина, тут же включилась в разговор.

– Вот и хорошо, милочка, а то засиделись вы, прямо говоря, в девицах! А кто же вам предложение сделал? Рассказывайте, рассказывайте!

Маргарита замялась. Она совершенно не была готова к подобной встрече. А предводительница тем временем продолжала.

– Не стесняйтесь, мы здесь все свои. Вы же знаете, как мы все вам добра желаем. Я всегда говорила, что наша Маргарита непременно выйдет замуж.

Так умеют разговаривать только женщины, выращенные в серпентариях НИИ. У них разработан свой код. В расшифрованном виде слова предводительницы следовало понимать так: "Ну и кто же этот дурак, который на тебя польстился?". Обычно такой женский

коллектив раздирают постоянные склоки и выясняловки — кто, кому, когда и что сказал. Но в любой момент они могут сплотиться, если перед ними оказывается жертва. И горе неподготовленному человеку, против которого выступит такая сборная команда. В данном случае внимание отдела было обращено на Маргариту. От неожиданности она позабыла тщательно составленное для нее в парткоме и заученное наизусть десять минут назад торжественное сообщение. Бедная девушка не выдержала обиды, покраснела и с полными глазами слез выбежала за дверь.

Кто-то из особо чувствительных попыталась вступить за Маргариту.

— Ну, что вы, Людмила Поликарповна, ну разве можно так!

За что получила в ответ:

— А что такого я сказала?! — что на том же условном коде означало — Ты что, милочка, хочешь оказаться на ее месте? Это я тебе сейчас живо устрою!

И адвокат, пожав плечами, уткнулась в

какую-то бумажку. Минут через десять Маргарита вернулась. Она молча подошла к своему столу и, не глядя ни на кого, уселась. Вслед за ней вошел парторг. Последовала длительная пауза, после которой парторг в доступных, но корректно-официальных выражениях объяснил, как же они были не правы.

Большого собрания устраивать не стали. Ограничились получасовым собранием отдела. Все остались на своих рабочих местах, только пересадили Борьку, чтобы дать место парторгу, да из своего закутка вышел начальник отдела и сел рядом с профоргом. Калугиной, в наказание, поручили вести протокол. Парторг зачитал решение парторганизации института о выдвижении Маргариты кандидатом в ряды коммунистической партии. Затем начальник отдела поведал о том, каким замечательным человеком и работником является Маргарита. Невнятно упомянув о ее достижениях в общественной жизни отдела и всего

института, начальник предложил резолюцию собрания об одобрении решения парткома. Все, как водится, проголосовали "за". После этого парторг поздравил Маргариту, обвел всех строгим взглядом, объявил собрание оконченным и, наконец, ушел. До конца рабочего дня все молчали.

Со следующего дня весь коллектив, затаив дыхание, наблюдал метаморфозы, происходившие с Маргаритой. Для начала она перешла на "Вы" в обращении со всеми сотрудниками и прекратила все разговоры, не связанные с работой. На работу она стала приходить со свежим номером газеты "Правда", и первую половину дня посвящала ее чтению. В перерыве она обязательно включала радио, чтобы послушать новости. По вечерам дома она смотрела программу "Время". Новая информация произвела неизгладимое впечатление на открытый, почти девственный ум девушки. Она выросла в среде, где газет просто не читали, а по телевизору смотрели только Штирлица и

Голубой Огонек по праздникам. Она не имела того иммунитета ко всей этой болтовне, который кто-то приобретал вместе с высшим образованием, а у кого-то вырабатывали ехидные, и удивительно меткие высказывания соседей по коммуналке или собутыльников в пивбаре. Так или иначе, она оказалась абсолютно неподготовленной к той ударной дозе пропагандисткой чепухи, которая неожиданно обрушилась на ее голову. Это не могло не иметь катастрофических последствий. И они не замедлили наступить, как водится, ударив рикошетом по окружающим.

Поскольку Маргарите было строго-настрого запрещено вести с сотрудниками посторонние разговоры, она немилосердно страдала. Склонившись в своем уголке над газетой "Правда", она с тоской вслушивалась в беседы сотрудниц. Сплетни о сослуживцах и новости локального институтского масштаба интересовали ее значительно больше, чем политическая ситуация, сложившаяся в

Гондурасе, и высказывания главы компартии Японии. Некоторое время она крепилась, но природу насиловать нельзя. Маргарите хотелось поговорить. Наконец, этот ужасный коктейль из нереализованных желаний и абсолютно чуждой ей информации сделали свое черное дело. Она, как ей казалось, нашла компромиссное решение. Она, вполне здраво рассудила, что если она заведет разговор о текущей политике, то никакой парторг не осудит ее за это, а может быть, даже похвалит за политическую активность. И вот, дождавшись паузы в общем разговоре, Маргарита сказала заранее составленную фразу. Тема для начала разговора была выбрана неслучайно. Она действительно тревожила Маргариту со вчерашнего вечера.

— Я вот вчера смотрела по телевизору про Америку. И так расстроилась. Бедные американские безработные, что же они кушают?

Вопрос застал общество врасплох. Повисла напряженная тишина. В своей простоте и

наивности Маргарита затронула тему, по общему молчаливому соглашению считавшуюся в НИИ запретной. В отделе, на треть состоявшем из евреев, и на треть из сочувствующих, публичное обсуждение жизни в Америке было под негласным запретом. Новости от родственников и знакомых в Америке рассказывали под большим секретом, шепотом, с глазу на глаз. При этом они все равно мгновенно распространялись по институту. Но официально никто ничего не знал и не говорил. Публичное упоминание безработицы в Америке допускалось только с трибуны актового зала института во время общих собраний.

Не дождавшись ответа, Маргарита продолжила:

– Я вчера целый вечер переживала за них. А еще вот у них негры...

Неожиданно в разговор вступила Калугина. Предыдущим вечером она принимала в гостях начальника своего мужа. Стол был отличным, выпивки хватало, поэтому сидели долго. Когда

наступило девять часов вечера, начальник спохватился, что он не успевает домой к началу программы "Время" и предложил посмотреть ее здесь, всем вместе. Таким образом, Калугина тоже увидела душераздирающий репортаж из Америки о растущей там безработице. Знаменитый советский журналист-международник, прославившийся своими критическими очерками о США, брал интервью у безработного прямо на одной из улиц Нью-Йорка. Безработный, был одет действительно очень бедно: на нем был ношенный джинсовый костюм "левис" и недорогие адидасовские кроссовки. На нормального советского зрителя, это и в самом деле производило удручающее впечатление, но совсем по другому поводу – по ценам черного рынка, такое одеяние в СССР стоило минимум три месячные зарплаты старшего инженера. Рассказав о своей тяжелой жизни, безработный закончил интервью словами о том, что он не может долго разговаривать, так

как спешит занять очередь на бирже труда. Корреспондент повернулся лицом к камере и стал рассказывать о бедственном положении безработных. Неудачно расположенная камера показала на заднем плане, как за спиной у корреспондента безработный подошел к стоявшему неподалеку старенькому форду, сел за руль и уехал.

Передачу с утра обсуждали во всех курилках института. Поношенный левис, адидасы и старенький форд произвели на сотрудников неизгладимое впечатление. Разумом все понимали, что в Америке это действительно почти бедность, но душа рвалась в эту страну мечты, где безработные в джинсах и кроссовках ездят на собственных машинах, и где выражение "выбрасывать обувь", означало именно выбрасывать ее в мусор, а не на прилавки магазинов

— Вы правы, Маргарита, — вещала тем временем Калугина. — Я тоже не понимаю, как может существовать подобное безобразие. Ведь это просто ужас. Ну вот что должен

будет делать этот парень, если ему не найдут на бирже работу? Что он будет есть? Как они такое допускают? Они же должны понимать!

Борька, с утра принимавший живое участие в обсуждении передачи, вдруг не выдержал и сорвался. Дрожащим от возмущения непроходимой глупостью обеих женщин голосом, он стал рассказывать об американской системе социальной защиты и системе страховок, о том, что уволенный с работы инженер, может на свое пособие по безработице предпринять кругосветное путешествие для успокоения нервной системы. Он рассказал про “food stamps” – бесплатные талоны на продукты, которые выдают самым отъявленным бездельникам. Он напомнил Калугиной про одежду безработного и его автомобиль, и спросил, имеет ли ее муж такой же.

Когда Борька, наконец, замолчал, в комнате повисла зловещая тишина. Калугина посмотрела на Борьку каким-то особенным взглядом и процедила:

– Ах, вот ты какой, оказывается...

– Конечно, все это тяжелым бременем ложится на плечи государства и всего американского общества. Когда столько людей исключены из производственной деятельности, – Борька осознал глубину своего проступка, но было уже поздно.

– Да, да, Борис, вы несомненно правы, – сказала Калугина, и вышла из комнаты.

Теперь все замолчали окончательно. Дело принимало скверный оборот. Никто не сомневался в том, куда и зачем вышла Калугина. Последствия Борькиной болтовни были непредсказуемы. Пахло выговором, исключением из комсомола или даже увольнением. На научной карьере парень с сегодняшнего дня мог поставить крест. Самое неприятное, что косвенные неприятности ожидали и весь отдел. Все молчали, стараясь не смотреть друг другу в глаза.

Внезапно в тишине снова раздался голос Маргариты. Ничего не понявшее дитя природы, радостно улыбаясь, повернулось к

Борьке.

– Ну, слава богу, Боря, вы меня успокоили, а то я ведь так переживала. Спасибо вам большое, теперь я буду знать.

Когда в отдел через пять минут вернулась Калугина, ведя за собой парторга, то они застали картину, которую совершенно не ожидали увидеть. Весь отдел во главе с Борькой громко хохотал. Смеялись от души, утирая слезы и хватаясь за животы. Смех смывал с людей всю грязь и ложь, в которых они постоянно жили. Он делал ненужным их ежедневное притворство. Он, казалось, говорил всем вокруг: "Как хорошо быть нормальными свободными людьми!". Этот смех, такой громкий, такой искренний, разрушал молчаливые запреты, делавшие жизнь этих людей порой совершенно невыносимой. Время от времени, когда смех немного утихал, кто-нибудь, всхлипывая, выдавливал из себя: "спасибо Боренька, ой спасибо тебе, родной!", и все начиналось снова. Виновница всеобщего веселья сидела в

уголке и застенчиво улыбалась.

Не помню точно, чем закончилась эта история, но думаю, что от идеи сделать Маргариту членом великой коммунистической партии парторг все же отказался. Что касается Борьки, то через три года он уехал в ту самую Америку. Первым делом он купил там себе джинсовый костюм, адидасы и старенький форд. Осуществив, таким образом, свою мечту, он несколько месяцев ходил совершенно довольный жизнью. Со временем все стало на свои места. Он перестал носить джинсовые костюмы с кроссовками, сменил старенький форд на новую тойоту и, наконец-то, перестал завидовать американским безработным. Теперь он их тоже жалел, иногда.

Поэт

По вечерам в субботу у моих друзей обычно собиралась большая компания.

Хозяева старались приготовить гостям сюрприз в виде какой-нибудь приезжей или местной знаменитости. В тот вечер такой приглашенной звездой стала известная местная писательница. Среди баек и историй, которые она рассказывала, была и эта.

– Жил-был в одном кишлаке дехканин, лентяй и проныра, – неторопливо начала свой рассказ приглашенная знаменитость. – Этаким ходжа Насреддин номер два. Только, в отличие от своего знаменитого предшественника, он был эгоистом, и всю свою энергию использовал исключительно для устройства собственного благополучия. И вот надоело дехканину с утра до вечера торчать под солнцем на поле, и махать кетменем. Вспомнил он, что в районном центре у него живет дальний родственник.

Сельская местность у нас ведь как устроена? Вокруг хлопковые поля, а в середине – райцентр. По моему глубокому убеждению, название "райцентр" происходит вовсе не от слова "район", а от слов "центр" и

"рай". То есть рай, который находится, соответственно, в центре. Ну да ладно, не об этом речь.

Так вот в этом самом райском центре у нашего дехканаина был родственник. И не просто родственник, а большой человек, главный редактор районной газеты. Ну вот, зарезал дехканин барана, прихватил тазик свежееиспеченных домашних лепешек, мешок сушеного винограда-кишмиша, и поехал в гости к родственнику. Родственник, конечно, принял его с почетом. Сделал плов. А потом сели они вечером во дворе, и стали что-то пить из чайника. Мусульманам ведь открыто пить вино нельзя. Опять же и Горбачев удружил своим законом. Не дай бог, сосед через забор увидит бутылку на столе у главного борца за трезвость. Не миновать беды.

Но и из чайника хорошо пошло. Может быть потому, что когда наливаешь водку из чайника в пиалу, то как ни старайся, а доза получается солидная. Разговор шел, конечно о

том, как вызволить родственника из кишлака. Редактор газеты объяснил, что с радостью взял бы родственника к себе, но у него нет вакансий. Да дело, объяснил он, даже не столько в наличии вакансии, а в том, что для работы в газете нужно иметь высшее образование. И вообще, чтобы сидеть в конторе и пить чай в рабочее время, сказал родственник, тебе обязательно нужен какой-нибудь диплом. Не обязательно институт, но хотя бы техникум. А так просто, даже при моих связях, ничего не получится.

Дехканин расстроился – у него в активе было только восемь классов, да и те он в основном провел на хлопковом поле. Что ж ты так, говорит, я тебе уважение оказал, приехал к тебе, а ты не можешь родственнику помочь? Обязательно тебе нужно, чтобы у меня был диплом. Из-за какой-то бумажки ты родственнику в просьбе отказываешь? Нехорошо это.

Хозяин загрузил. Действительно это было неправильно, против всех национальных

обычаев и правил. Помолчали, взгрустнули, выпили еще. И тут родственника осенило. Скажи-ка мне, вдруг говорит он дехканину, ты стихи писать умеешь? Тот смотрит на собутыльника с сожалением, думает все, сошел с ума его родственник на почве стыда, что родне не помогает. А тот спокойно так продолжает. Слушай меня внимательно. Если все сделаешь правильно, то не у нас в райцентре работать будешь, а переедешь прямо в столицу. Писать стихи совсем несложно. Главное, соблюдай ритм, и не забывай упоминать в каждом стихотворении коммунистическую партию и лично генерального секретаря.

– Простите, что перебиваю вас, Диана Муратовна! – вклинился в неторопливое повествование один из гостей. – Но я не могу понять одну вещь. Разве для хорошего стихотворения достаточно только соблюдать ритм и упоминать партию? А как же рифма?

– Учтите, что он писал на родном языке, – снисошла до объяснений звезда. – А это

удивительно музыкальный язык. В нем, как вы знаете, есть жесткое правило построения предложений. Все фразы обязательно оканчиваются глаголом. Дальше еще проще. Окончания у подавляющего большинства глаголов формируются по единому правилу. То есть если писать от одного лица, в одном времени, например, в прошлом или в настоящем, то все фразы автоматически будут рифмоваться.

Возьмем для примера вот такой простой текст. "Я пошел в кино. Там я увидел тебя. На тебе было красное платье. Я в тебя влюбился.". Так вот, если все это аккуратно записать на родном языке нашего дехканина, причем так, чтобы размер фраз был одинаков, и сохранялся ритм, то вместо примитивного набора фраз, получится красивое лирическое стихотворение. Вот послушайте, как оно звучит.

Диана Муратовна закрыла глаза,
откинулась в кресле, и не торопясь
продекламировала четверостишие на местном

языке. Ее гортанное произношение показывало, что язык она знает с детства. Стихи действительно звучали красиво. Если судить чисто по звуковому восприятию, они были самым совершенством. Писательница закончила декламировать и открыла глаза.

– Этот шедевр мы создали недавно у себя в редакции в качестве эксперимента. По-моему очень убедительный пример.

– Никогда не задумывался над этим, – признался ее собеседник. – Я в школе с уроков языка всегда убегал, а на базаре я и русским обхожусь. Но все равно непонятно. Если это так просто, то местные жители поголовно должны быть великими поэтами!

– Наивный вы человек, – усмехнулась в ответ именитая писательница. – Написать стихотворение можно на любом языке. Вообще, я уверена, что любой человек может написать целую книгу, если просто опишет все, что с ним происходило на протяжении его жизни. Дело не в том, чтобы написать. Писателем, как известно, становится не тот,

кто что-нибудь написал, а тот, чей труд опубликовали. Так что вопрос о признании упирается в издательство, а не в талант автора.

— И как же этот дехканин добился признания?

— Не так быстро. Для начала он вернулся к себе в кишлак, и сел за работу. Какие-то задатки у него действительно оказались, и он начал писать. В общем, через неделю он снова поехал в райцентр и привез родственнику десяток примитивных, но зато очень патриотических стихов. Родственник похвалил. Затем коротко указал на основные ошибки и подсказал несколько штампов, обязательных к употреблению в патриотической поэзии. Потом он дал ему еще один, самый ценный совет, и с чистой совестью отправил того домой, справедливо полагая, что барана он отработал полностью.

— Что за совет? Может быть он мне тоже пригодится?

— Хм, посоветовать то я тоже могу, во только пользы вам от него не будет. Совет

заклучался в том, что без протекции рукописи незнакомых авторов в редакциях не читают. У нас в отделе, например, мы их держим общей стопкой в углу, и пишем на них с обратной стороны. Также они незаменимы как салфетки и подставки, когда пьем чай с тортом.

– Порадовали. А как же люди пробиваются?

– Каждый по своему. Тут-то и нужен талант. Вот как поступил наш дехканин. Вернувшись домой он поговорил со стариками и нашел дальнего родственника, который занимал некий пост в райкоме партии. Следующий баран и еще один мешок кишмиша переехали к очередному влиятельному родственнику. Райкомовский деятель принял родственника как положено, то есть водкой и пловом. Затем гость прочитал свои стихи. Хозяин, как человек глубоко партийный, не мог не оценить их патриотизм. С тех пор это и началось. Перед тем как послать очередную пачку своих стихов в редакцию столичного журнала или газеты, дехканин ехал в райцентр

к своему партийному родственнику. Тот писал сопроводительное письмо на имя главного редактора.

В письме на райкомовском бланке родственник честно признавал, что не в состоянии оценить приложенные стихи с художественно-литературной точки зрения, и понимает, что окончательное решение о публикации может принять только сам главный редактор. Но со своей стороны, он считает необходимым отметить, что данные стихотворения идеологически выдержаны, отвечают последним установкам партии и имеют ценное воспитательное значение.

Он просто, как бы давал свою рецензию с точки зрения человека, который проводит в жизнь политику партии. От такой рецензии отмахнуться невозможно. А с другой стороны всем так даже спокойнее, и издательству и худсовету. Раз есть мнение комитета партии, на которое можно сослаться, все остальное уже не имеет значения.

К тому же у автора была великолепная

рабочая биография – самый, что ни на есть, "от сохи". Даже то, что у него отсутствовало мало-мальски приемлемое образование, внезапно превратилось в достоинство. Как же – народный самородок! Такому не научишь, это у нас в крови. И его стали печатать. Чем больше его печатали, тем легче ему было публиковаться в следующий раз.

Рассказчица прервалась и с улыбкой посмотрела на своего собеседника. Тот печально кивнул головой.

– Да уж, мне такое не светит.

Все рассмеялись. Начался общий разговор. Потом мы спохватились.

– Диана Муратовна, вы не рассказали самое главное. Чем закончилась эта история с дехканином? Он и в самом деле сумел уехать из своего кишлака в столицу?

Маститая писательница вдруг разом сникла, и превратилась в обычную женщину, замотанную и уставшую совслужащую.

– Через год наш дехканин набрал необходимое количество публикаций и

вступил в Союз Писателей. Теперь он работает в издательстве, начальником в моем отделе.

Обломов

Какие только темы мы не обсуждали во время наших посиделок. Однажды вдруг стали вспоминать предметы домашнего обихода, имевшими какие-то особые свойства. Когда очередь дошла до меня, то я вспомнил про кухонный табурет у себя в квартире. Это был обычный кухонный табурет, ничем не отличавшийся от тысяч и тысяч других, коротающих свой досуг под столами бесчисленных кухонь и кухонек Советского Союза. Но я до сих пор считаю, что он сыграл просто катастрофическую роль в современной истории России.

На табурете было пятно краски, оставшееся от ремонта, по этому признаку мы его и узнавали. Краска, давно высохла, однако

никто из домашних садиться на него не хотел. Выбросить же целый табурет от кухонного гарнитура лишь потому, что он слегка испачкан, было тоже не мыслимо. Поэтому на него сажали гостей. Это было еще до того, как табурет стал проявлять свой характер.

Когда же все выяснилось, то его вообще поставили в дальний угол, и присвоили собственное имя – Обломов. Так и говорили: "Где Обломов?" или "Смотри, на Обломова не сядь!".

Гостей, если это не было большим официальным мероприятием типа дня рождения или первого мая, мы принимали на кухне. Там было как-то уютнее: плита под боком и в любую минуту можно приготовить чай; опять же покурить, дымили-то не переставая. Да, что там говорить, эта устоявшаяся традиция кухонных посиделок пережила Советский Союз и, возможно, переживет новую, демократическую Россию. Как я уже сказал, никто из домашних на Обломова из-за пятна не садился, а друзья,

наслышанные о необычных свойствах табуретки, также избегали его. Таким образом в объятия табурета попадали, в основном, новые знакомые, которых как раз тогда у нас появилось довольно много.

Это было время, когда перестройка уже все перестроила; старая жратва кончилась, а новую никто выращивать не собирался; деньги обесценились; а бесчисленные НИИ и КБ один за другим закрывались. Зато, как грибы после дождя, стали появляться всякие кооперативы и совместные предприятия: честные и не очень, а чаще, откровенно надувательские. Все почувствовали себя причастными к великим событиям, каждый был озабочен становлением капитализма в отдельно взятой собственной квартире.

Мои знакомые тоже все время пытались что-то предпринять. К тому времени почти никто уже нормально не работал, и свободного времени у них стало в избытке. В мой дом зачастили странные личности. За чашкой чая, а чаще за рюмкой водки, они

рассказывали о том, как и какие миллионы они будут иметь со своих затей. В рассказах они упоминали каких-то таинственных, но всемогущих спонсоров, убеждали, что при их связях все закрутится просто замечательно. Проекты были всевозможные, они касались буквально всех отраслей человеческой деятельности.

Объединяло их одно – практически немедленная отдача от вложенных средств, и огромная прибыль. Проценты прибыли исчислялись сотнями и тысячами. Суммы меньше миллиона, на нашей кухне вообще не упоминались. Гости были люди целеустремленные и точно знали как и что надо делать, чтобы добиться успеха. По крайней мере, они сами были в этом убеждены. И пытались убедить в этом всех остальных.

Время шло, но ни у кого из гостей ничего не получалось. Во всем, конечно, были виноваты внешние трудности, трагическое стечение обстоятельств. В большинстве

случаев причиной неудач была общая неготовность окружающих подняться до уровня экономических отношений, требуемых моими энтузиастами.

Как сейчас помню одного типа, когда он пьяный в стельку, заплетающимся языком объяснял мне, что в этой стране совершенно невозможно заниматься маркетингом. "Ну свершенневзззможннно"! Тип этот никогда не имел толкового занятия, его образование и специальность, если таковые и существовали, были покрыты тайной. По каким-то ему одному ведомым соображениям, он считал себя частью интеллектуальной богемы, и, нисколько не смущаясь, жил на зарплату своей жены, медсестры из районной поликлиники, которая боготворила его и смотрела ему в рот. О себе он никогда не рассказывал. Единственное его занятие, про которое я знал, что оно дает хоть какой-то заработок, было написание редких сценариев для детских утренников.

В свободное от творческих трудов время он

пытался организовать собственный бизнес. Попытки эти выражались обычно в распитии всевозможных крепких напитков с такими же, как и он будущими бизнесменами, и, конечно, в бесконечных разговорах. Собственно, абсолютно трезвым я его не видел ни разу. Он постоянно был более или менее пьян. Может быть, это и мешало ему вплотную заняться любимым прибыльным делом.

Впрочем, по здравом размышлении я понял, что кроме самого этого манящего, обещающего, возвышенного и прекрасного, как сам доллар слова ни он, ни остальные мои гости, о маркетинге ничего не знали.

И все же, я до сих пор убежден, что основной причиной их неудач был тот самый табурет. Будущих миллионеров мы сажали именно на Обломова. Сажали без всяких задних мыслей, просто это был обычно единственный свободный табурет. Именно тогда и стали проявляться его необычные свойства. Я заметил – придет гость, усядется на этот табурет и начинает рассказывать, как

он здорово все придумал, как у него все схвачено и завязано, и какие бешенные миллионы он получит – и все, пропал бизнес, ничего не получается у человека.

Походит такой гость недельку другую, расскажет о своих будущих достижениях, выпьет весь запас водки (а ее тогда по талонам выдавали) и исчезнет. Где, что? Да бог его знает, куда сгинул. Встретится потом мне этот гость как-нибудь в метро, пьяненький по своему обыкновению, да и начнет рассказывать про свой новый прожект. А старый-то как поживает, спрашиваю, там же золотое дно было? Э, говорит, это меня компаньоны подвели. Я то все продумал, все организовал, а они подвели. Ненадежный такой народ, никудышный народец, подлецы просто.

Так вот ни у кого и не получилось. Ни у одного из тех, кто сидя на невезучем табурете, рассказывал о своих будущих финансовых успехах, бизнес не удался. С тех пор табурет прозвали Обломовым, и садиться на него

остерегались. Такой уж был табурет.

Случалось и другое. Среди всех этих горев-
бизнесменов объявился у нас совершенно
особый человек. Что-то вроде
проповедника; но не религиозный, а такой,
знаете, дворянин-народник, толстовец. Он и
внешне так выглядел. В молодости он был рок
музыкантом. От тех времен у него
сохранились длинные, до плеч, волосы. Позже,
он добавил к ним бороду, лохматую и
неопрятную. В таком виде он стал похож на
Солженицына, чем страшно гордился и
обязательно упоминал об этом при первой же
встрече с новыми людьми.

Очень уж он верил в Россию. Особенно в
ее близкое светлое будущее. Истово верил. И
ведь не просто так, на голом энтузиазме. Нет,
не беспочвенно он в нее верил. Была у него
особая такая тетрабочка, в которую он
аккуратно записывал какие-то цифры и
статистические данные. Где он их брал, сам
ли придумывал или по газетам собирал, не
знаю. Но только этими цифрами он

доказывал, что еще год, максимум два – и возродится великая Россия. Это притом, что СССР уже стоял на грани развала на десяток мелких, но зато ни от кого не зависимых, государств.

А он все говорил о том, что худшее позади, что наступает перелом и надо только затянуть пояса и еще немножко подождать. Он читал по своей тетрадке выписки из русских классиков, приводил исторические аналогии. И так у него действительно все складно получалось, что к концу вечера все начинали с ним соглашаться, и уже наутро ждали, что наступит новая жизнь.

Но действительность не хотела оправдывать его надежды, новая жизнь никак не наступала, бардак только нарастал. Наверное, есть в этом и моя вина. Не зная еще скверного свойства табурета, я обычно усаживал беднягу именно на Обломова.

С тех пор я все время думаю – выбрось я в свое время этот самый, невезучий табурет, какая жизнь могла бы наступить в России! Но

не вышло. А все из-за простого кухонного табурета, к тому же испачканного краской

Фокусник

В конце восьмидесятых я катался по республике с гитарой и группой писателей-юмористов. Мы выступали на предприятиях и в организациях с концертами, построенными по образцу популярной в то время передачи «Вокруг смеха».

В нашей команде был еще один артист — молодой фокусник по имени Улугбек. Это была наша палочка-выручалочка на случай тяжелой аудитории.

Парень работал виртуозно. Я получил море удовольствия, наблюдая за ним из-за кулис. Карты словно приклеенные держались на тыльной стороне его ладони, в то время как он с самыми честными глазами показывал публике пустые руки. А затем в какой-то миг, пока он переворачивал ладонь, чтобы показать

публике ее тыльную сторону, карты молниеносно перескакивали на другую сторону и вновь оказывались невидимыми для публики.

Выручал нас фокусник не только на сцене. Мы разъезжали по республике на арендованном микроавтобусе «рафик». Как положено, нас периодически останавливали гаишники. На этот случай у нас имелся Улугбек.

Это было отлаженное, выверенное до жеста, отрепетированное многократными повторениями театральное представление. Итак.

Действие первое. Гаишник с хищным лицом и предвкушением взятки машет жезлом в сторону нашего «рафика». Мы останавливаемся. Водитель выходит из машины. С другой стороны вылезает Улугбек, который на этот случай всегда садился впереди, рядом с водителем. Они подходят к гаишнику и водитель отдает документы. Гаишник что-то говорит.

Действие второе. Улугбек отводит гаишника с напарником чуть в сторону и в свою очередь что-то им рассказывает. Те недоверчиво улыбаются. Улугбек достает из кармана колоду карт. Мы дружно принимаем к окнам, чтобы не пропустить любимое зрелище.

Действие третье. Улугбек проделывает какие-то манипуляции с колодой. Предлагает снять, раздает карты, открывает. Гаишники не верят. Улугбек повторяет. Те смеются. Улугбек продолжает манипулировать колодой. Гаишников сдвигают фуражки на затылок. Одуревшие от однообразной и скучной работы они просят Улугбека показать что-нибудь еще. Тот показывает.

Действие четвертое. Пять минут спустя. На лицах гаишников блуждают довольные улыбки. Они жмут руку Улугбеку, отдают честь и ... вручают ему документы, отобранные у шофера. Водитель и фокусник возвращаются в машину. Мы уезжаем. Гаишники машут вслед ручкой.

Занавес.

Выступления Улугбека имели успех всегда. Аудитория нам попадалась разная — от научных институтов до колхозов — и порой даже лучшие шутки проваливались в зал без малейшей обратной реакции, словно в черную дыру. Но Улугбек пробивал любого зрителя.

Иногда его выступления имели даже слишком сильный эффект. Довелось нам в однажды выступать в зоне. Не перед зеками, а перед обслуживающим персоналом. Вообще-то даже при таких условиях поначалу никто ехать не захотел. Однако администратор соблазнил нас тем, что там, внутри, есть магазин, а в этом магазине чего только нет. Не забывайте, это было время тотального дефицита. Мы не смогли устоять.

Мысль о вожаденном магазине согревала всех во время выступления. Как всегда при тяжелой аудитории, писатели ограничились минимальной программой, переложив основную нагрузку на фокусника. Тот не подвел. Заскучавшая было аудитория

встрепенулась, и с живейшим интересом следила за его выступлением.

Улугбек, который в принципе, мог и один отыграть часовую программу, почувствовал свою аудиторию и работал от души. Но злополучный магазин, видимо, запал и ему в голову. Закончив манипуляции с картами, Улугбек перешел к своему любимому номеру.

— Я открою вам секрет. Сейчас я покажу, как фокусники ходят в магазин. Вот идет фокусник по улице, подходит к магазину и хочет там что-то купить. Заходит, покупает, а когда надо платить вспоминает, что денег у него нет.

В зале воцарилась напряженная тишина. (Вспомните аудиторию!) А Улугбек, ничего не замечая, продолжал:

— Обычный человек в такой ситуации возвращает купленную вещь, извиняется и уходит. Но фокусники не такой народ. Фокусник берет обертку от конфеты...

С этими словами он достал фантик от конфеты, долго-долго его складывал, потом

зажал в кулаке и пробормотал заклинание. Потом долго-долго разворачивал, и у него в руках оказалась двадцатипятирублевая бумажка.

— Фокусник дает эту бумажку продавцу, забирает покупку и уходит. А продавец берет эту бумажку, — с этими словами фокусник опять сложил купюру и зажал в кулаке, — и кладет в кассу. Вечером приходит инкассатор забирать деньги из кассы и видит там...

На этом месте фокусник перестал болтать, развернул свернутую четвертную и показал зрителям все ту же обертку от конфеты.

Номер всегда проходил «на ура», особенно у непритязательной публики. Характерно, что перед выступлением, Улугбек, живший, видимо, не слишком зажиточно, эту самую четвертную всегда брал взаймы у нашего администратора.

Вот и на этот раз Улугбек имел прямо-таки оглушительный успех. И черт знает, как это получилось, кто его дернул за язык, но когда аплодисменты стихли, Улугбек сообщил залу

следующее:

— Говорят, у вас здесь хороший магазин. Я обязательно после выступления в него загляну!

И выразительно подмигнул. Зал взорвался хохотом и аплодисментами.

После выступления фокусника мы показали еще пару номеров и свернулись. Полученные от профкома деньги были честно отработаны и теперь все мечтали только о магазине. Мы вышли из зала и, спросив дорогу, двинулись туда. За нами, на некотором расстоянии потянулась любопытная группа зрителей. Оказалось, почти никто не ушел: все остались, чтобы посмотреть, как наш фокусник будет расплачиваться в магазине бумажкой от конфеты.

К сожалению, вожденный шопинг не состоялся. Когда сопровождаемые толпой поклонников мы подошли к магазину, нас встретили огромный замок на двери и табличка "закрето".

Выяснилось следующее. Продавщица

магазина вместе со всеми смотрела наше выступление. Обещание фокусника посетить магазин произвело на нее сильное впечатление. Простая душа, она решила не рисковать. Когда номер закончился, продавщица потихоньку вышла из зала, потом закрыла магазин и уехала домой, не дожидаясь неприятностей.

Опоздал!

Как обычно, в субботу я был в гостях у друзей. Компания в тот вечер подобралась мало мне знакомая. Я откровенно скучал и не знал, чем себя занять. Наконец, я выбрался покурить на кухню. У стола, на котором стояла бутылка водки, рюмки и пепельница, полная окурков, собралось несколько человек с сигаретами. Невысокий молодой человек, с усами и аккуратной бородкой, что-то рассказывал. Я тихонько подошел поближе, и стал слушать.

– Работал я в одном конструкторском бюро. Дисциплина у нас была поставлена образцово, хоть плачь. Главной задачей администрации было проследить, чтобы каждый сотрудник отсидел рабочий день от звонка до звонка. Приди вовремя на работу и вовремя с нее уйди. Остальное не важно.

Это было мое первое место работы, и от нервного срыва меня спасло именно то, что я не знал как это бывает в других местах. Как в старом анекдоте – "а где ты видела другого цвета?!". Мне не с чем было сравнивать, и я принимал эту казарму за нормальную рабочую обстановку.

У нас была проходная, как на заводе. Сразу за входной дверью стояла специальная будочка с турникетом. В этой будочке сидела табельщица, наиглавнейшей служебной обязанностью которой было принять утром у всех пропуска, и отметить опоздавших.

За будочкой, на стене прямо против входа, висели огромные электронные часы. Часы были новейшей конструкции, их повесили

после скандала с одной из сотрудниц, которая заявила, что часы в проходной спешат, и из-за этого у нее столько опозданий. Баба была склочная, и профком на следующий день после скандала выделил средства и купил новые часы. Составили комиссию из представителей всех отделов, и в их присутствии выставили часы точно по сигналам радиостанции "маяк". Был назначен ответственный, который раз в месяц проверял точность хода часов.

Опоздание на работу было самым страшным, что могло случиться с работником КБ. Каждый день табельщица составляла список опоздавших. Начальник отдел кадров скреплял его своей подписью с печатью, и подшивал в специальную папку. Копии списка отправлялись директору, парторгу и профоргу.

Нездоровый интерес начальства к приходу на работу не был случайностью. Дело в том, что у нас была квартальная премия. А это, братцы, при удаче могло составить полторы-две месячные зарплаты.

Премию конечно давали всем, но вот заветный процент следовало определять каждому сотруднику индивидуально, в зависимости от его выработки. И вот тут и вставал вопрос, а как в сущности оценить выработку рядового советского инженера? Ну, в самом деле, не подсчитывать же сколько листов ватмана или пачек бумаги я извел за квартал! А опоздания вот они, даны нам, как говорится, в объективные ощущения.

В профкоме на стене висела формула расчета процента премии сотрудника в зависимости от количества его опозданий. В ответ энтузиасты подсчитали, сколько раз в квартал можно ездить на работу на такси, чтобы получить премию полностью, и не потратить сверх того, что у них могут вычесть за опоздания. Короче, тот еще дурдом.

И тут умирает Брежнев и к власти приходит Андропов. Первым делом он издает постановление об усилении контроля за дисциплиной. На следующий день нам устроили собрание и объяснили, что время

разгильдяйства и недопустимо
безответственного отношения к трудовой
дисциплине прошло. Что с сегодняшнего дня
коллектив нашего КБ объявил непримиримую
войну нарушителям трудовой дисциплины. И
так далее, и так далее.

С собрания все расходились подавленные.
Мы гадали, во что все это выльется. То, что
наше руководство отреагирует самым жестким
образом никто не сомневался. Но как именно
все это будет происходить, не знал никто. Мы
недоумевали – как можно еще ужесточить наш
казарменный режим?

На этом месте рассказчик прервался и
победоносно оглядел слушателей. Теперь он
прочно овладел вниманием аудитории.
Завязка сюжета была выполнена в стиле
лучших детективов. Слушатели автоматически
начали прикидывать в уме, а что же
действительно можно было придумать. Тем
временем, рассказчик прикурил сигарету,
затянулся, выдохнул дым и проследил за его
траекторией.

Наконец он продолжил:

– Мы, конечно, не дураки. Понятно, что во время такой кампании никто рисковать не будет. На следующий день каждый сотрудник КБ вышел из дома намного раньше обычного – бог с ним со сном, премию бы не проспять. Однако, беда подстерегла тут же. Постановление правительства прочитали не только у нас. Во всех предприятиях города служащих предупредили, что начинается борьба за трудовую дисциплину и все постарались придти на работу пораньше. Такой давки в транспорте я больше не припомню.

В общем, в тот день я ехал на работу минут на двадцать дольше обычного. Ладно, на здоровье не жалею, выскочил из автобуса, вспомнил детство золотое и припустил бегом. Там был солидный кусок от остановки. Бегу, и как марафонец поглядываю на часы, делаю расчет времени, прибавляю темп. Перед подъездом делаю финишный рывок, вбегаю в здание и вижу на наших знаменитых часах

"8.59". Я облегченно вздыхаю и забрасываю пропуск в окошечко. Все, победа. Советский спортсмен на пятой беговой дорожке установил новый мировой рекорд в беге от автобуса до работы.

Я довольный прохожу через турникет, и вижу как на часах цифры сменяются на "9.00". Я поворачиваю по коридору за угол, и утыкаюсь в чью-то неширокую, но официальную грудь. Меня остановил председатель профкома. В коридоре оказалась засада. Вся Тройка в полном составе: начальник отдела кадров, парторг и профорг. Они были страшно расстроены – весь личный состав КБ уже был на своих местах, ловить было некого. С моим везением я пришел в тот день на работу последним.

Как они мне обрадовались! "Так, товарищ старший инженер, я вам записываю опоздание", – прогундосил профорг, отставной военный. Я возмутился и показал на часы, вот смотрите, ровно девять утра, я уже на работе, а зашел вообще в восемь пятьдесят

девять, какие могут претензии?

И представьте себе претензии у них нашлись. Они не могли сообщить в райком, что сегодня не было опоздавших. Опоздания по графику мероприятия следовало искоренить только через неделю, а тут такая неувязка. Я был обречен. Меня отпустили, не вдаваясь в дискуссию.

До обеда тройка заседала у директора в кабинете. Никого не пускали, на звонки не отвечали. А ближе к вечеру нас вновь вызвали на собрание. Они нашли решение. Не знаю — сами придумали или кто сверху подбросил им идею, но решение, как выражаются математики, было элегантным. С трибуны об этом говорили не меньше часа, а вкратце это выглядит так.

Девять ноль-ноль — это начало рабочего дня. То есть, в девять ноль-ноль все сотрудники должны уже сидеть на своем рабочем месте, бумаги должны быть разложены, ручки приготовлены, карандаши заточены. И в девять ноль-ноль, товарищи, вы

должны начать работать, а не бегать
взмысленными по коридору, как, простите за
выражение, какие-то марафонцы. В девять
ноль-ноль, товарищи, все уже участвуют в
рабочем процессе – пишут там или чертят, ну
в общем работают. Вот так! Отныне каждый
выявленный в коридоре, или не успевший
разложить бумаги на письменном столе в
девять ноль-ноль, будет считаться
опоздавшим.

С тех пор, пока это всем не надоело,
проходную стали закрывать без пяти девять,
чтобы у сотрудников было время подняться к
себе в комнату, и приготовиться к началу
рабочего дня. Целую неделю эти подонки
ходили с утра по отделам, и следили, чтобы в
девять ноль-ноль разгильдяи инженеры
сидели за своими столами, и что-нибудь
писали или чертили.

Говоривший замолчал с трагическим
видом. Слушатели засмеялись, сочувственно
закивали головами, кто-то стал порываться
вспомнить аналогичный случай из

собственной жизни. Хозяин дома решительно пресек все попытки новых воспоминаний, и занялся разливани­ем и раздачей водки всем присутствующим.

Адажио

В советских гостиницах не было одноместных номеров. Я имею в виду, конечно те, которые предназначались "для всех". Незнакомые люди жили втроем или вчетвером по несколько дней в одной комнате. В лучшем случае, удавалось устроиться в номере на двоих.

Мне довелось в полной мере хлебнуть этого удовольствия, поскольку в молодости я часто ездил в командировки. Соседи бывали самые разные. С большинством я быстро находил общий язык. Однако попадались и другие, с которыми я просто не мог пересечься внутри своего обычного круга общения.

Дело было в небольшом промышленном городке. Меня отправили туда налаживать оборудование, спроектированное в нашем КБ. Соседом по комнате оказался крепкий розовощекий мужчина, потомок поволжских немцев, предусмотрительно вывезенных перед войной в среднеазиатскую глушь вождем всех времен и народов. Звали соседа Родион, что также было следствием великого переселения, после которого детям старались давать имена, не выдающие их национальной принадлежности.

Виделись мы мало – почти все время я проводил на заводе, и в гостиницу возвращался лишь для того, чтобы переночевать. Однако, однажды вечером мы все же пообщались. И достаточно плотно.

В тот день я вернулся в гостиницу раньше обычного. У меня ничего не ладилось. Злой, усталый и голодный я все бросил и отправился в гостиницу. Мне до чертиков надоела эта возня; я мечтал лишь о том, чтобы поскорее добраться до кровати и завалиться спать.

Когда я вошел в номер, Родион сидел за столом и заканчивал нарезать помидоры для салата в глубокую керамическую миску, стоявшую перед ним. Кроме миски, стол украшали пара лепешек и распечатанная, но все еще полная бутылка водки. Судя по всему, сосед собирался что-то отметить, но как любой нормальный мужик не хотел пить в одиночку.

Меня он встретил с искренней радостью.

– О, как раз вовремя! Давай, Ароныч, присаживайся, выпьем в честь окончания моей командировки. Завтра утром уезжаю.

Я не успел как следует усесться на стуле, как передо мной возник граненый стакан, примерно на треть наполненный водкой. Ничего не оставалось, как выпить. Водка была дешевая, плохо очищенная, с острым едким запахом. Выпитая на пустой желудок она обожгла мне все внутренности. Я сидел и хватал ртом воздух, пытаюсь придти в себя.

– Что, неудачно пошла? – добродушно поинтересовался Родион и протянул мне

алюминиевую вилку с отломленным зубом. — Бывает. На вот, закуси салатиком.

Я набросился на салат с лепешкой, по опыту зная, что уж они не подведут. Это фактически была основная еда местного населения. Да и у себя в столице мы с удовольствием их ели, правда лишь как дополнение к меню.

Едва я пришел в себя, как Родион налил по новой. Видно долго ждал меня, и теперь торопился наверстать упущенное.

— Нет, нет, пожалуйста, — взмолился я. — Давайте я эту пропущу, что-то действительно нехорошо пошла. А вы пейте, не ждите меня.

Родион подозрительно взглянул на меня, пробормотал что-то невнятное, но явно неодобрительное, и влил в себя содержимое стакана. Затем навалился на салат и опустошил почти всю миску. Покончив с салатом, он достал из плоской красной пачки сигарету "Астра" без фильтра и закурил. Я, наконец, сообразил, что пора внести и свою лепту в праздничный ужин. Вынул из сумки

пачку болгарских "Родопи", и протянул Родиону.

Он тут же загасил свою сигарету, и взял новую из предложенной пачки. Мы закурили. Водка начинала действовать и усталость отступила. Салатик и сигареты заглушили сивушный привкус во рту, и мир уже не казался таким печальным местом.

Родион тоже выглядел довольным. Почувствовав некоторое ко мне расположение, он стал излагать теоретические основы своей жизни. Говорил он долго и однообразно.

— У меня все есть. Понимаешь? Вот все, что мне надо, у меня есть. Я чужого не беру. Мне чужого не надо. Вот то, что мне положено, я возьму. Это ты мне дай. А чужого мне не надо, не так я воспитан, чтобы брать чужое. Да. Я рабочий человек. Я свое отработал, и будь добр мне положенное дать. Все, что мне, рабочему человеку, положено.

Тут он пристально посмотрел на меня, будто подозревал, что я и в самом деле прячу

за спиной то самое, что ему положено.

— Замечательно, правильно, так и надо, — поддакивал я ему, понимая, что он может развивать эту тему бесконечно. — А вот, давайте, лучше еще выпьем.

— Не, ты не понимаешь! — начал было объяснять Родион.

Затем сообразил, что я предлагаю выпить, тут же разлил оставшуюся в бутылке водку и поднял стакан. Пить он не стал до тех пор, пока я тоже не взял свой. Мы вместе выпили, причем Родион внимательно проследил, чтобы я допил свою порцию до конца.

В этот раз я выпил нормально, даже с удовольствием. Хотя понял, что для моего уставшего организма это пожалуй перебор. Я снова закурил и стал слушать Родиона, который от теории уже перешел к практике, ничуть не смущаясь их базисными противоречиями.

— Вот возьмем, к примеру, меня. Давай считать. Я работаю на стройке. Получаю двести рублей в месяц. Еще на двести рублей я

ворую материал. Итого четыреста в месяц, понимаешь? У тебя какая зарплата, сто двадцать, сто тридцать, да? А у меня двести. И на двести я ворую материал. Итого в месяц выходит четыреста. Я вот дочке пианино купил. Понимаешь? Прихожу с работы домой, пообедаю, и ложусь на диван. И говорю ей: "Давай дочка, сыграй мне адажио". Она классно адажио играет. Она играет, а я засыпаю. Ну класс, понимаешь?

Он мечтательно замолчал, силясь припомнить то самое адажио, не припомнил и продолжил.

— А сейчас она уже долго занимается, и начала капризничать: надоело мне это адажио, давай я вот вальс новый выучила, или хочешь польку сыграю? Я ей говорю нет, дочка, папа устал после работы, ты давай, играй адажио. Она мне адажио играет, а я засыпаю.

Родион замолчал и посмотрел на меня с превосходством.

— Ну, понял наконец, как я здорово живу?

К этому времени меня окончательно разморило. Обрадовавшись возможности закончить разговор, я быстро разделся, лег и закрыл глаза.

Родион нарочито долго возился, бормоча как бы про себя, но так, чтобы я услышал, что вот чужую водку все мастера пить, а о том, чтобы самому вторую поставить, когда кончилось, никто не догадается. Я понимал, что нарушил все правила поведения, но исправлять что-либо было поздно. Бежать в гостиничный ресторан за бутылкой не хотелось категорически.

Я отвернулся лицом к стене и сделал вид что уже сплю. Призрак Васиссуалия Лоханкина, которого пороли розгами за куда менее страшное преступление, уже витал по гостиничному номеру. Но все обошлось. Пошебуршив минут пятнадцать, Родион потушил свет и тоже лег.

Уснул он мгновенно, как будто его выключили. Я слышал, что люди с чистой совестью засыпают быстро, но такой скорости

я не встречал. Родион и в самом деле был очень доволен и собой, и своей жизнью.

А я еще долго ворочался. В голове все время крутилось: "двести получаю, еще на двести ворую – и адажио".

Пятнадцать лет спустя я сидел в небольшом кафе в Нюрнберге, пил кофе и наблюдал, как через дорогу от кафе трудилась бригада строителей. Вид стройки начал цепочку ассоциаций, которая и привела меня к воспоминанию о той встрече в провинциальной гостинице. Я закурил, устроился поудобнее и, по своей писательской привычке, принялся размышлять на тему "Родион, как типичный представитель своего времени".

Очень быстро, однако, я исправил заголовок на "Родион, как представитель самого себя в данном конкретном времени, и в данном месте". Человек всегда и везде остается самим собой. Внешняя среда способствует его изменению лишь в той

степени, в которой он сам адаптируется к ней. Человек играет по правилам навязанным ему обстановкой. Но цель игры всегда одна – собственное благополучие.

Итак Родион, как представитель самого себя, прекрасно устраивается в социализме. Он не требует многого от жизни, но твердо знает, что именно ему нужно. Он безошибочно ориентируется в окружающей среде, и быстро находит способы получить все необходимое. Если ему не хватает зарплаты, то он просто начинает воровать материал, искренне не считая это чем-то предосудительным.

Когда обстановка вокруг меняется, он мгновенно и безболезненно приспосабливается к изменившимся условиям, и потом действует так, будто всю жизнь только этим и занимался. Новые условия резко меняют стиль его жизни и всю ранее существовавшую систему ценностей. Однако, он не задумывается и нисколько не тяготится этим. Он просто живет в соответствии с законами окружающего его мира.

Средний человек неизменяем и непотопляем. Так происходит всегда и везде, независимо от географического положения страны или ее государственного строя.

Возьмем, к примеру ту же Германию. Жил-был в тридцатых годах в Германии молодой немец, похожий на нашего Родиона, как брат-близнец. Для удобства, назовем его Ганс. И имел этот самый Ганс собственную пекарню. Он вставал очень рано даже по меркам трудолюбивой Германии, и к началу дня у него уже были в продаже свежий хлеб и булочки для утреннего кофе.

Рядом с пекарней Ганса располагалась парикмахерская, которую держал еврей, которого звали, допустим, Йоси Шмуленсон. Ганс прекрасно ладил с соседом, и даже посылал ему подарки на праздники. Конечно, ровно на такую же сумму, на какую получал подарки от Иосифа. Это была традиция, освещенная веками.

Затем политическая ситуация в стране изменилась. Евреев объявили врагами. Ганс

тут же донес на своего соседа и получил положенную ему часть конфискованного еврейского имущества. Ни он, ни его соседи-немцы не видели в этом ничего предосудительного. Так поступали все. Общественная мораль изменилась, а люди лишь продолжали поступать в соответствие с этой моралью.

Началась вторую мировая война. Ганса отправили на восточный фронт. Он шел по Украине с автоматом и требованием "курка, яйки!". Он и теперь не считал, что делает что-то плохое. Ему сказали, что так надо, что это правильно. И это оправдывало все. По крайней мере, в его глазах.

После войны Ганс вернулся в свою пекарню и продолжил печь булочки. Прошло время, у Ганса родился сын, скажем Фердинанд, который принял у отца пекарню и продолжил дело. Они жили спокойно, без волнений, и с немецкой педантичностью и аккуратностью занимались своим небольшим бизнесом.

И вот, однажды, у них появляется новый сосед. Это наш Родион, который воспользовался развалом СССР, чтобы перебраться в Германию. Родион все так же работает на стройке. Вряд ли он теперь вспоминает свои "двести плюс двести". Теперь ему и голову не приходит воровать материал. Здесь это не принято. Родион знает, что на пианино с адажио можно заработать не воруя, что он и делает.

По дороге с работы Родион заходит в пивную возле дома. Там он встречается с Ферди. С чувством собственного достоинства мужчины выпивают пару пива с горячими острыми сосисками. За пивом Родион объясняет собеседнику, что он доволен жизнью, потому что у него все есть. Ферди с ним соглашается – у него тоже все в полном порядке.

Родиона в пивной знают, он вежливо здоровается с завсегдатаями и ему также вежливо отвечают. Интересуются здоровьем супруги, заводят разговор о погоде или о

последнем футбольном матче.

И все же, к Родиону относятся несколько настороженно. Родион, конечно, тоже немец... Но разве можно считать равным себе человека, который говорит по-немецки с таким чудовищным акцентом?

Я потушил докуренную сигарету и подозвал кельнера. Расплатился и вышел на улицу. Я шел, оглядывая знакомый городской пейзаж, и думал, а насколько изменился за эти годы я сам?

На такой вопрос всегда трудно ответить. Изменения подкрадываются незаметно, постепенно накапливаются вместе с прожитыми годами. Конечно, я теперь совсем другой. Нет больше того паренька, который спешил жить, жадно впитывая в себя окружающий его мир. Нет уже того открытого и немного наивного молодого человека, который был счастлив уже самим ощущением того, что вот он живет на свете, такой молодой и сильный; умел радоваться мелочам и смеяться над пустяками; и хотел поделиться

этим своим счастьем со всеми вокруг.

Он навсегда остался там, в стране со странным, но гордым названием – СССР. В стране моей молодости. В стране, которой больше нет, но которая по-прежнему живет в моем сердце.

MADE IN RUSSIA

Воскресный папа

– Почему ты приехал так поздно?

Автоматически смотрю на часы. Половина первого.

– Не так уж и поздно. День только начинается.

– Ребенок с утра ничего не ест, не хочет играть, только стоит возле калитки и кричит: «Папа, где ты? Папа, приходи!»

Сердце привычно сжимает волна боли. Я морщусь, потом прихожу в себя. Оглядываюсь по сторонам. Двор пуст.

– Где же он?

Небольшая, едва заметная пауза.

– Я его с трудом уговорила, он у себя в комнате, собирает игрушки. Он все время тебя ждет. Ему тебя не хватает. – Она уже забыла, что я поймал ее на лжи и переходит в наступление. – Он все время спрашивает, где

ты, когда ты придешь. Мальчик не может расти без отца.

Это мой крест. При первой возможности мне напоминают, что ребенок растет безотцовщиной. Что ему очень плохо без меня. Тут я с ней согласен. С матерью ему плохо. Но что я могу сделать? К тому же сегодня я и в самом деле чувствую себя неуверенно.

– Послушай, – начинаю оправдываться. – Я несколько раз звонил, но было занято. Я сегодня очень занят, надо закончить проект, я вообще с трудом вырвался из офиса. Пусть он сегодня побудет дома, а я заеду завтра, прямо с утра. Не возражаешь?

Она возражает. Объясняет, что я последнее дерьмо, что искалечил ей жизнь. А теперь уродую ребенка. Он целыми днями просится к папе, и вот нате вам, даже в положенные выходные, он останется без отца.

Это означает, что у нее есть вполне определенные планы на сегодня. Я обязан забрать мальчишку на все выходные, чтобы освободить квартиру для очередной

двухдневной гулянки.

Из дома слышны мужские голоса. Она, похоже, уже слегка на взводе. Или мне только кажется? Когда эта скромная беззащитная девушка, интеллигентная и, безусловно, талантливая, превратилась в бесстыжую распутную бабу, отчаянно цепляющуюся за остатки красоты и молодости?

– Ну, подумай сама. Я еду в офис и пробуду там до позднего вечера. Все заняты по горло. Что он там будет делать? Сам намается и других замучает. Проведи с ребенком хоть один выходной сама.

Ее лицо меняется. Только что, она играла роль заботливой матери, а сейчас передо мной она истинная. Холодная, запредельно эгоистичная женщина, живущая сиюминутными собственными желаниями.

– Ничего не хочу знать. Если ты сейчас же не забереешь сына, я позвоню адвокату, и тебя вообще лишат прав на свидания. Я не шучу.

Знаю, не шутит. Она всегда играет со мной ва-банк. И всегда выигрывает. Я вздыхаю.

– Ладно, пошли, заберу его.

В дом меня не пускают. Значит, голоса не слышались. Они уже начали, поэтому с таким нетерпением хотят сплавить ребенка.

– Подожди здесь, я сама его выведу.

Я жду. Они выходят ровно через минуту. Малыш бросается ко мне, прижимается всем телом. Затем выпаливает:

– Папа, а почему мама говорит, что ты меня забыл?

Ищу глазами жену. Она уже скрылась за калиткой.

Я остаюсь вдвоем с сыном. Мы идем к машине. Он устраивается на любимое место – стоя, за спинкой водительского сиденья – и сладко дышит прямо мне в ухо. Так бы и сидел, не шевелясь, чтобы не спугнуть короткий миг счастья.

Завожу мотор, и мы едем. По дороге малыш рассказывает свои новости. За неделю их набралось достаточно. Слушаю и улыбаюсь – парень научился лихо разгружать свои детские проблемы.

Усмехаюсь. Наверное, если бы меня в свое время водили в детский сад и отправляли на все лето в пионерский лагерь, я был бы более подготовлен к семейной жизни.

В офисе я отдаю мальчика на попечение секретарши и погружаюсь работу. Незаметно наступает вечер. В комнату входит Лена с подносом. На нем пара бутербродов и большая чашка кофе. То, что мне сейчас необходимо. Голова больше не работает. Я отвожу глаза от монитора.

— А где малыш?

Она улыбается.

— Вспомнил. Я нашла в шкафу электрическую пишущую машинку и показала, как печатать. Теперь его не оторвать.

Я прислушиваюсь. Из-за двери доносятся пулеметные очереди. Не знаю, как там у него с орфографией, но по скорости печати парень перещеголяет любую профессиональную машинистку. Киваю головой.

— Спасибо.

Лена улыбается. Она числится

секретаршей, но выполняет и кучу других дел. А по совместительству еще и мой личный психолог-психоаналитик. Она разворачивает кресло и садится ко мне на колени. Обнимает за шею.

– Когда ты от нее освободишься?

Недоуменно смотрю ей в глаза.

– Разве я привязан?

– Ты до сих пор ее любишь.

– Неужели?

Удивляюсь, задумываюсь. Некоторое время молчу, потом качаю головой.

– Нет, не может быть.

– Мне виднее, – отвечает Лена. Она изучающе смотрит на меня, потом продолжает. – Ну-ка, признайся, она была у тебя первой женщиной?

Я киваю головой.

– Как ты умудрился остаться девственником до брака?

– Ну, во-первых мы поженились очень рано. А во-вторых, на одной пьянке приятель, известный гуляка, сказал мне: «Если хочешь

быть счастлив в браке, не связывайся с другими женщинами. Попробуешь чужую, со своей счастлив не будешь».

– И ты послушался такой глупости?

– Да как тебе сказать. Просто так сложилось. Кстати, насчет самого себя он оказался прав. Уже дважды разводился.

– Не знаю, – она пожимает плечами. – Наверное, он просто заранее готовил себе оправдание. А вот у тебя типичный комплекс первой женщины. Ты не можешь ее забыть. Тебе срочно нужно найти кого-то другого.

Я опять пожимаю плечами.

– Да не нужен мне сейчас никто.

– А как же ты живешь?

– Работаю. В пятницу вечером – преферанс. А все выходные с сыном. Ты не представляешь, это так здорово.

– Ну, почему же, представляю. Цирк, зоопарк, кафе мороженное. Все детство мечтала о таком папе. – Она берет мое лицо в ладони и пристально смотрит в глаза. – И долго так собираешься жить? Он скоро

вырастет, и перестанет в тебе нуждаться. А ты за это время превратишься в старика.

– Не преувеличивай.

– Именно в старика. Причем в старика одинокого. Ты ведь даже не ищешь никого.

– У меня нет на это времени.

– Вот и я о том же.

Я обнимаю ее за талию. Пытаюсь поцеловать. Она отворачивает голову, и я неуклюже чмокаю ее в щеку.

– Мне никто не нужен. У меня есть ты. Она смеется.

– Меня у тебя нет. Я просто твой друг.

– Но, мы все же...

Она резко обрывает меня.

– Один раз не считается. И потом, не кажется ли тебе, что роман с собственной секретаршей – это пошло?

Лена неуловимым движением убирает мою руку. Ерошит мне волосы на затылке и быстро встает. Придвигает кофе и бутерброды.

– Поешь и заканчивай работу. Уже поздно, ребенку пора спать.

В дверях она останавливается и тихо говорит:

– Разберись, наконец, со своей жизнью. Сколько можно плыть по течению.

Лена выходит из комнаты. Мне слышно, как малыш что-то ей рассказывает, и они вместе смеются.

Вздыхаю и закурываю очередную сигарету. Сколько я сегодня уже выкурил? Пачку, две?

Утром меня будит телефон.

– Ужасные новости!

– Что, кто?

– Говорю ужасные новости. Сейчас по телевизору объявили, что с завтрашнего дня прекратят производство пива.

– И что?

– Поэтому сегодня надо успеть выпить все остатки. Я уже запасся и еду на дачу. А ты приезжай когда сможешь. Мне одному не справиться.

Я наконец просыпаюсь. Это – Олег, он же Старый. Его ненавязчивый юмор ни с чем не спутаешь.

– Слушай, Старый, а нельзя ли чуть погодить с пивом? У меня билеты в детский театр.

– Сколько еще годить? На следующей неделе у тебя будет цирк, потом аттракционы. Месяц не виделась. Ты о чем думаешь? Короче, садись в машину и приезжай.

– А обратно? Я с пивом в животе за руль не сяду.

– Вернешься завтра утром.

Пытаюсь в уме составить схему действий. Ребенка надо вернуть сегодня вечером. С другой стороны, если я отвезу его завтра прямо в сад, ей будет только легче. Надо только позвонить и предупредить.

И в самом деле, такая чудесная погода. Почему бы не выехать на природу? Мальчишке у Старого на даче будет очень хорошо.

– Уговорил, красноречивый ты мой, приеду. Что захватить?

– Как обычно. Что привезешь, то и будешь лопать. – Олег смеется, – Главное себя не забудь. Тебя тут ждут.

– Ждут? Кто?

В трубке короткие гудки. Я пожимаю плечами. Ладно, на месте разберемся. Потягиваюсь. Однако и в самом деле пора вставать. А где малыш? Кровать пуста. Мальчишку нахожу на кухне. Он готовит себе завтрак. Открыл холодильник, отломил кусок колбасы. Вооружился самым большим ножом и кромсает хлеб.

– Малыш, что же ты не разбудил меня?

– Мама сказала, что взрослых по утрам будить нельзя. А я хочу есть.

Понятно. Новый этап воспитания, чтобы ребенок не мешал утром спать.

– Взрослых будить можно. Нельзя одному на кухне хозяйничать, да еще с ножом.

Неожиданно сын спрятал нож за спину. Упрямо насупился.

– Мама сказала, что я должен уметь все делать сам. Вот за тебя все делали родители, и ты стал неудачником.

– А ты знаешь, что такое неудачник?

– Нет. Это так бабушка говорит. А еще она

говорит, что ты сволочь. Почему?

Прекращаю разговор, отбираю у сына нож, и мы отправляемся в ванную. Там я ставлю его под душ, мою, заворачиваю в полотенце и оставляю сохнуть. Потом тоже принимаю душ и бреюсь. Спыхватываюсь – ребенок ведет себя подозрительно тихо. Ага, ну конечно. Парень внимательно разглядывает свою мордочку в зеркало ванной, водит вокруг щек пальчиком, повторяя движения моей бритвы, и приговаривает: «еще здесь надо и вот здесь». Малыш всерьез собрался побриться. При его самостоятельности ждать осталось недолго.

Я решаю играть на опережение. Заменяю кассету в бритве пустышкой и вожу по лицу мальчугана. Потом набираю полные ладони одеколona и сильно тру ему щеки. Он вопит, стремительно теряет интерес к процедуре и заявляет, что больше вообще никогда бриться не будет. Вот и славно.

Мы едем по загородному шоссе. Малыш стоит на боевом посту за спинкой кресла и засыпает меня вопросами. Вопросы самые

разнообразные, от «почему, когда я сплю, я ничего не помню?» и до «А как делают электрические лампочки?». Предсказать очередной вопрос невозможно, остается только парировать их с лету, как теннисист у сетки.

На выезде из города останавливаюсь заправиться. Малыш категорически отказывается ждать в машине и выходит вместе со мной. По случаю воскресенья на заправке самообслуживание. Я иду к кассе, расплачиваюсь, потом бегом возвращаюсь к машине. Малыш, не отставая, носится за мной.

Вставляю пистолет в бак и перевожу дух. Краем уха слышу, что он опять о чем-то спрашивает. Мне некогда, надо следить за бензином. Не оборачиваясь, бросаю:

– Не знаю.

Наконец бак полон. Мы садимся в машину и трогаемся с места. Малыш непривычно тихий. В зеркало заднего вида вижу его глаза. В каждом застыло по огромной слезе.

Останавливаюсь на обочине и усаживаю

его к себе на колени.

– Что случилось, маленький?

– Ты сказал, что не знаешь!

В его глазах ужас. Мир рушится.

Опять щемит сердце. Прижимаю к себе худенькое крошечное тельце. Слушаю сердечко, которое бьется, как воробушек. Целую его в макушку.

– Ну, что ты, я просто не расслышал. Давай еще раз.

Он повторяет вопрос. Подробно отвечаю. Мы сидим еще минут пять и беседуем. Малыш уже спокоен, он снова вертит головой, исследует окружающий мир, впитывает новые впечатления. Готовит новые вопросы. Мы едем дальше.

На даче раздеваю мальчишку до трусиков и пускаю бегать по двору. Он тут же с визгом бросается догонять соседскую кошку. Отпуск на природе начался.

Меня действительно ждут.

– Здравствуй, Света!

Дежурный поцелуй в щеку.

- Здравствуй.
- Прекрасно выглядишь.
- Ты тоже.

Напряженная пауза. Обмен ничего не значащими словами. Интересно, сколько лет мы не виделись? Говорить, а тем более спрашивать о чем-то серьезном не хочется. Незаметно скашиваю глаза на ее правую руку. Кольца нет. Она ловит мой взгляд, чуть заметно мрачнеет.

Зовут к столу. Кроме Олега с женой, меня с сыном, и Светы на даче больше никого нет. Усаживаемся. Я зову малыша. Он прибегает и, мгновенно оценив ситуацию, втискивается между мной и Светой.

Погода теплая. Я снял пиджак и остался в джинсах и майке. Женщины еще до моего приезда переоделись в купальни. Старый сообщил, что надо пользоваться последними теплыми денечками, и остался в одних шортах.

Все проголодались и набросились на еду. Стол накрыт во дворе, обстановка самая

непринужденная. Малыш в центре внимания. Его тискают, целуют, требуют рассказывать стихи. Парню это быстро надоедает, и он с куском пирога в руке уходит к кустам у забора.

Время летит незаметно. Общий добродушный треп, немудреная дачная еда, пиво и бесконечные сигареты. Все время оглядываюсь и слежу за малышом. Он деятельно исследует территорию двора. Вот он окончательно запутался в кустах, заревел, и я бегу вытаскивать его.

Ревущее растрепанное существо взбирается ко мне на руки, обнимает за шею и тут же успокаивается. Он уже не боится и готов к новым подвигам. Я несу его обратно за стол, усаживаю на облюбованное им место. Мокрой салфеткой вытираю испачканную мордашку и коленки. Света достает из сумочки расческу и причесывает его. Так в четыре руки под общий смех мы приводим маленькое чучело в человеческий облик.

Но это ненадолго. Через минуту он снова носится по двору. Продолжаю следить за ним.

Света что-то рассказывает мне. Я слушаю невнимательно, меня беспокоит малыш. Что-то он слишком разошелся.

Света прерывает рассказ.

– Расслабься хоть на минуту. Ты же не слушаешь меня.

– Да нет, я с тобой.

– Куда там. Старый говорил мне, но я не думала, что все так серьезно.

– Что серьезно? – переспрашиваю я.

– Сам знаешь.

Я знаю. Это маленькое лохматое существо занимает в моей жизни так много места, что все остальные едва умещаются там.

Жена Олега подходит к малышу и берет его за руку.

– А ты знаешь, у соседей есть маленькие щеночки. Хочешь посмотреть?

Глаза сына загораются огнем. Он вцепляется в ее руку, и они отправляются смотреть щенят.

Света берет меня за руку и мягко увлекает за собой. Мы встаем и идем к дому. По дороге

я пытаюсь обернуться, и чувствую, как ее ладонь с силой сжимает мою. Мы поднимаемся на второй этаж. Там в крохотной мансарде Старый оборудовал так называемую гостевую спальню. На полу в ряд лежат три матраса и несколько подушек. Больше ничего нет. Я нерешительно останавливаюсь.

Света все также молча подходит, поднимает руки и кладет их мне на плечи. Она по-прежнему в одном купальнике. От нее пахнет солнцем и свежескошенной травой. Я протягиваю руки и обнимаю ее...

Мы лежим на матрасе, уставшие, умиротворенные.

– Дай мне сигарету, – просит Света.

Я нахожу в углу свой пиджак, лезу в карман. Рука натывается на сотовый телефон. Черт, я же так и не позвонил.

Прикуриваю сигарету и передаю ее Свете.

– Прости, мне надо позвонить.

Быстро одеваюсь. Света молча курит.

Спускаюсь во двор. Уже темнеет.

Набираю номер. Отвечает незнакомый

мужской голос. Прошу позвать ее. Длинная пауза. Наконец она берет трубку и мурлыкающим голосом произносит:

– Привет!

– Привет!

Ее голос тут же меняется, становится холодным, металлическим.

– А, это ты. Что опять случилось?

– Да ничего. Просто хочу оставить мальчишку у себя ночевать. А завтра отведу его в сад. Ты не возражаешь?

Она возражает.

– Ты обязан привести его в восемь вечера.

Пытаюсь объяснить ситуацию. Она не слушает.

– Я сейчас же звоню адвокату. Если в восемь часов мальчика не будет дома, можешь с ним попрощаться.

Я тоже завожусь.

– Перестань пугать меня адвокатом. У меня может быть своя жизнь?

– Очень хорошо. Если ребенок тебе в обузу, я немедленно тебя освобожу от нее.

Мы пререкаемся еще минут пять. Она заводит себя, еще немного и начнется скандал. Все бесполезно.

Остервенело жму на кнопку. Рука продолжает сжимать телефон. Вот так бы сжать ее горло и все проблемы исчезнут.

Ищу глазами сына. Он сидит на корточках возле муравейника и палочкой проводит какой-то эксперимент. Я зову, но он настолько поглощен своим занятием, что не слышит. Приходится хватать его в охапку и силой впихивать в машину.

На вопли выходит Старый.

– Ты куда собрался?

– Надо срочно возвращаться.

– Подожди, куда ты в таком состоянии.

Поезжай на электричке.

Смотрю на часы. Времени катастрофически мало.

– На электричке не успею. К тому же завтра с утра куча беготни, без машины не справлюсь. Ладно, доберусь как-нибудь.

Ну зайди хотя бы в дом, попрощайся.

– Не могу. Полный цейтнот. Попрощайся за меня.

Он жмет мне руку, целует малыша и скрывается в доме.

Когда выезжаю, замечаю Свету, которая внимательно следит за мной из окна мансарды. Обещаю себе, что завтра обязательно позвоню ей.

Мы едем по ночному шоссе. Малыш спит на заднем сиденье. Меня тоже неудержимо тянет в сон. Глаза закрываются сами. Сейчас бы включить радио, найти музыку поглупее да попротивнее, и врубить ее на полную катушку. Ладно, не будить же малыша. Справлюсь и так.

За окном совсем темно. Фары встречных машин гипнотически появляются и пропадают. Машина идет легко, сама по себе. Как славно, оказывается мне вовсе не надо управлять. Можно отпустить руль, закрыть глаза и расслабиться. Теплая волна окутывает тело.

Вздрагиваю и просыпаюсь. В глаза бьет

резкий свет. Я еду по левой полосе. Встречная машина отчаянно сигналиит мне фарами. В последний момент успеваю резко вывернуть руль вправо. Тяжелый грузовик сбивает боковое зеркало, ударяет в заднее колесо и исчезает в темноте. Машину начинает разворачивать. Резко торможу, отчаянно пытаюсь удержаться на дороге. Машину заносит, она подпрыгивает и летит с откоса вниз.

В последнем усилии я бросаю ненужный теперь руль и пытаюсь перепрыгнуть на заднее сиденье, прикрыть мальчишку. Мир переворачивается вверх ногами. Сильный удар. Тишина. Пустота. А надо жить дальше...

Я вылезаю из покореженной машины, беру спящего малыша на руки. Он согласно кладет голову мне на плечо, и мы идем по дороге.

Тамарин День

Будильник как всегда зазвонил совершенно

неожиданно. Вставать не хотелось. Тамара не выспалась. Всю ночь ей снилась еда. Не какие-нибудь изыски французской кухни, не восточная экзотика и даже не прямолинейные, но чрезвычайно вкусные и сытные сибирские пельмени. Всю ночь ее преследовало видение шипящей сковородки с обычной яичницей. Яичница все время пригорала, и Тамаре приходилось ее выбрасывать и начинать жарить снова. Так продолжалось всю ночь. Неудивительно, что она проснулась разбитой вдребезги.

В ванной Тамара сбросила с себя ночную рубашку и встала перед большим, во весь рост зеркалом. Придирчиво осмотрела свое отражение. Некоторые места даже недоверчиво потрогала руками. Увиденным она осталась категорически недовольна. Она наскоро искупалась, накинула на мокрое тело махровый купальный халатик и пошла на кухню.

В холодильнике ее ждал небольшой аккуратный сверток с заботливо

приготовленным обедом. Но это можно будет съесть только днем, на работе. Стараясь не смотреть на вожаденную еду, Тамара быстро переложила сверток в сумочку и тщательно застегнула молнию. Затем взяла с полки крохотную тарелочку, вернулась к холодильнику и положила на тарелочку три кусочка сыра. Немного подумав она вздохнула и добавила туда же две крохотные сморщенные редиски. Затем быстро отвернулась от холодильника и, стоя к нему спиной, с яростью захлопнула дверь ногой. Холодильник содрогнулся, недовольно заворчал и в знак протеста включил мотор на полную мощность.

Содержимое тарелочки Тамара проглотила не успев донести ее до стола. Убедившись, что больше ничего не осталось, она подошла к кофеварке и приготовила себе кофе. Уселась за пустой обеденный стол, на котором издевательски стояла опустевшая тарелочка, и принялась пить кофе. Кофе Тамара пила долго, обжигаясь и роняя в чашку слезы. Это

был не тот приторно сладкий кофе, щедро сдобренный сливками, к которому Тамара привыкла за все жизнь. Жидкость в чашке представляла собой раствор порошка с гордым названием "Напиток кофейный диетический". Ни молока, ни тем более сахара к кофе не полагалось. Чтобы добиться хоть какого-то вкуса, Тамара заварила в чашке тройную порцию. Внешне жидкость в чашке напоминала чертежную тушь. По вкусу кофе напоминал все тот же атрибут для черчения. О свойствах туши Тамара знала не понаслышке: она успела немного поработать в чертежном бюро в те времена, когда еще чертили стоя перед кульманами, а не на заполонивших все компьютерах.. Мысль о компьютерах, и особенно о людях, которые их обслуживают, больно отозвалась в сердце. Но Тамара взяла себя в руки и велела себе больше не думать о нем.

Прихлебывая горькую безвкусную жидкость Тамара машинально оглядела стол, пытаюсь обнаружить на нем что-нибудь

съестное. Поверхность стола была девственно чистой: она сама вечером убрала с него все, что могло бы ввести в соблазн. Тамара держала диету уже целую неделю. Диетолог гарантировал ей стройное молодое тело и возвышенное состояние духа. К сегодняшнему утру, несмотря на все обещания диетолога, Тамара добилась лишь постоянного сосущего ощущения голода, и душевного состояния под названием полный раздрыг.

Наконец кофе был выпит. Тамара быстро оделась, нанесла немного макияжа, чтобы спрятать заплаканные глаза, набросила шубу и выскочила в утреннюю морозную темень. Начинался новый день.

На работе все шло своей чередой. Без пяти час девчонки, как по команде, загомонили, встали из-за столов и направились к вешалке с пальто – наступило время обеденного перерыва. Обедали обычно все вместе в симпатичной кафешке напротив конторы. Кормили в ней вкусно и совсем недорого. Кроме того, там варили отличный кофе.

Тамара очень любила сидеть в кафе с сотрудницами. После утренней работы она с удовольствием болтала, пила кофе и поглощала заварные пирожные и булочки с кремом.

Одетые в зимние пальто девушки по одной проходили мимо и звали Тамару с собой. Она с занятым видом перебирала бумаги и делала вид, что не слышит. Хихикая и перешептываясь девушки шли дальше.

Тамара стеснялась своей диеты. Сначала она вообще никому ничего не говорила. Первые два дня она отговаривалась тем, что ей надо срочно закончить какую-то работу. На третий день она сказала, что принесла еду с собой из дома и будет обедать в офисе. Девчонки подозрительно уставились на нее.

— А как же кофе?

Пресловутая чашечка кофе, которая выпивалась после еды под общий треп и сигареты составляла основную и главную часть обеденного перерыва. Чтобы отказаться от такой радости, надо иметь очень вескую

причину. Тамаре пришлось расколотся и рассказать про диету. Девушки минут десять галдели, задавали вопросы и давали советы. Затем все вышли. Лишь стерва Барыкина задержалась, и когда они остались в комнате одни, демонстративно оглядела Тамару с ног до головы и процедила сквозь зубы:

– Зря. Не поможет.

Больше Тамару не трогали. Но слова Барыкиной запали в память.

Оставшись в одиночестве, Тамара торопливо открыла сумочку и вытащила сверток с обедом. Тщательно прожевать еду, как учил ее диетолог, у Тамары не получилось: заботливо приготовленный с вечера салат кончился значительно быстрее, чем этого требовал изголодавшийся организм. Но сегодня Тамаре было не до того. План она разработала еще неделю назад. Сегодня пришло время претворить его в жизнь.

Оффис был переполнен бумагами и папками. Они лежали в шкафах и на полках, валялись штабелями в коридоре и проходах

между столами. На рабочих столах, заваленных бесчисленными справками, отчетами и накладными, места катастрофически не хватало. Поэтому у большинства сотрудников компьютеры, вернее системные блоки, стояли прямо на полу, под столом.

Этим Тамара и решила воспользоваться. Первым делом она выключила компьютер. Потом зажала в руках авторучку, оглянулась по сторонам и полезла под свой рабочий стол. Ручка была заготовлена в качестве алиби, на случай если кто-нибудь неожиданно войдет в комнату – вот, ручку уронила, пришлось лезть.

В комнату никто не вошел и Тамара приступила к выполнению самого ответственного пункта своего плана. На четвереньках она подползла к задней стенке стоящего под столом компьютера и уставилась на выходящие оттуда провода. Она нерешительно подергала их, но кабели были надежно закреплены в гнездах. Такого осложнения Тамара не предвидела. В мыслях

ей представлялось все очень просто. Она буквально видела, как поменяет местами красненький и синенький проводки, и компьютер тут же испортится. Теперь же она убедилась, что ее план трещал по всем швам — сломать компьютер оказалось совсем не просто. От отчаяния Тамара стала дергать за все подряд. Неожиданно в компьютере что-то хрустнуло и в руках девушки оказался толстый черный шнур с большим пластиковым наконечником и торчащими из него железками. От испуга Тамара непроизвольно взвизгнула и отбросила кабель. Трясаясь от пережитого стресса девушка выбралась из под стола и уселась в кресло. Чтобы успокоиться она медленно выпила предписанную диетологом бутылочку минеральной воды. Это подействовало: дыхание стало ровным, сердце перестало колотиться.

Теперь требовалось определить нанесенный компьютеру ущерб. Тамара наклонилась в кресле и опасно нажала большую кнопку на панели компьютера.

Компьютер ровно загудел, будто ровным счетом ничего не случилось. На панели зажглись и стали перемигиваться лампочки, винчестер довольно заурчал. Тамара с удивлением и испугом наблюдала, как компьютер выполняет привычную процедуру загрузки. Лишь подняв глаза Тамара увидела, что монитор остался черным. На нем не горела ни одна лампочка.

Тамара облегченно вздохнула. Кажется получилось! Но радоваться было рано. Следовало торопиться, пока девчонки не вернулись с обеда. Глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, Тамара подняла телефонную трубку и набрала номер системного отдела. Все было рассчитано. Системщики славились тем, что никогда не уходили на обед из своего закутка.

– Алло, системный отдел! -ответил знакомый до дрожи голос.

– Алик, это я!

– Тамара? – голос в трубке напрягся. – Что случилось?

– Алик, понимаешь, у меня компьютер не работает, – забормотала Тамара. Язык слушался плохо. – Я его включила, а экран черный.

– Хорошо, я посмотрю, – отозвался голос.

– Алик, только мне нужно прямо сейчас, – тараторила Тамара. – Понимаешь, я должна после перерыва сдать отчет, я даже на обед не пошла, а он не работает. Я его включила, а экран совсем темный, ничего не видно и лампочки не горят.

– Я сказал посмотрю, – резко ответил Алик и отключился.

Тамара пару минут задумчиво сидела прижав трубку к уху и непроизвольно поглаживая ее. Наконец она спохватилась, бросила трубку на место, достала из сумочки зеркальце и лихорадочно стала приводить себя в порядок. К тому времени, когда дверь открылась, макияж был безупречным, а сама Тамара – спокойна и решительна, как Клеопатра перед встречей с Цезарем. Она была готова к решительному разговору.

Однако судьба распорядилась иначе. В дверь зашел, вернее по своему обыкновению заскочил, Марат или Маратик, как его все называли. Маратик был студентом и подрабатывал на полставки в системном отделе техником.

– Ну показывай, что там у тебе стряслось! – с порога выпалил он.

Тамара неопределенно махнула рукой в сторону монитора.

Маратик внимательно осмотрел монитор потом чертыхнувшись полез под стол. Оттуда послышалась возня и тихий мат. Внезапно монитор вспыхнул и заработал. Тамара от неожиданности пискнула. Из под стола раздался довольный смешок

– Вот и все, хозяйка!

Вылезая, Марат ненароком погладил Тамару по коленке. Та даже не заметила.

– Маратик, а почему Алик не пришел? – покраснев спросила она.

Техник остановился в дверях и пожал плечами.

– Он попросил меня сбегать. Сказал, что очень занят, а здесь наверняка ерунда какая-нибудь. Как в воду глядел.

Марат задумчиво посмотрел на Тамару, еще раз заглянул под стол и пробормотал:

– Все-таки не понимаю, как это он умудрился выскочить из разъема? Ногой видимо задела. Вы бы поосторожнее ходили тут.

С этими словами Маратик повернулся и вышел из комнаты. Тамара осталась сидеть перед исправленным компьютером. План, который она вынашивала целую неделю, провалился.

Оставался запасной вариант. Едваждавшись конца рабочего дня, Тамара быстро оделась и первой выскочила на улицу. Она заняла стратегически удобную позицию в подъезде ближайшего дома, откуда просматривался выход из конторы. Через десять минут ожидания, она увидела, как из дверей вышел Алик и направился в ее сторону. Как всегда, даже в мороз, он был без шапки и

его густая черная копна вьющихся волос бросала вызов окружающей снежной белизне. В ушах у Алика виднелись едва заметные крошечные наушники. Провод от них спускался вниз и терялся под застежками модной куртки.

Тамара выскочила из переулка и торопливо пошла навстречу Алику. Тот смотрел в другую сторону и заметил девушку в самый последний момент, когда они чуть-чуть не столкнулись.

– А, привет! – сказал он равнодушно.

– Алик, нам надо поговорить, – выпалила Тамара, хватая парня за руку.

– Что? – переспросил тот. Он вытащил из одного уха наушник, всем видом показывая, что не расположен к длительному общению.

– Алик, – всхлипнула Тамара. – Ты меня правда бросил?

Алик снисходительно посмотрел на нее сверху вниз.

– Тамарик, ну я же тебе неделю назад уже все объяснил. Период толстухек-пышечек в

моей жизни окончен безвозвратно. Теперь меня интересуют высокие подтянутые блондинки.

— А как же я? Ведь я теперь тоже... — начала было Тамара и осеклась под насмешливым взглядом.

Она хотела рассказать о том, как целую неделю мужественно держит диету; о том, что диетолог обещал ей кардинальное изменение фигуры; что она собирается записаться на курсы аэробики. И многое-многое другое, но главное — как ей плохо без него. Но, не решилась, и лишь молча смотрела на парня снизу вверх.

Алик покровительственно потрепал девушку по щеке.

— Слушай, Комарик, ты славный человечек. Пойми, у меня есть принципы. Я живу в свое удовольствие и предоставляю окружающим делать то же самое. По моему это достаточно честно. Найди себе кого-нибудь другого и все будет в порядке. Не кисни.

Он помолчал немного, глядя на

хлюпающую носом толстушку. Потом добавил.

– Да, и не выдергивай больше кабели из компьютера.

Он вставил в ухо наушник и не оборачиваясь пошел дальше, потихоньку подпевая неслышной музыке. Тамара некоторое время смотрела ему вслед, глотая внезапно выступившие слезы. Потом повернулась и пошла прочь.

На углу продавали мороженное. На заснеженном тротуаре стоял передвижной лоток и продавщица в толстом ватнике невозмутимо обслуживала небольшую очередь. Это мороженное продающееся и поедаемое в мороз на улице всегда ввергает в дрожь не только избалованных и теплолюбивых итальянцев и французов, но и казалось бы закаленных и привычных к холоду норвежцев и финнов. У коренного же москвича, такая сцена вызывает усиленное слюноотделение и непреодолимое желание купить и немедленно съесть свою порцию прямо здесь, на улице.

Поддавшись искушению, Тамара встала в очередь. Через пару минут она стала счастливой обладательницей вафельного стаканчика с обалденно вкусным пломбиром. Тамара шла по улице и грызла мороженное. Желудок, успевший за неделю основательно подзабыть вкус сладкого, благодарно заурчал. На душе потеплело. Тамара шла по широкому тротуару, украшенному разноцветными огнями. Доев мороженное она подошла к ближайшему ларьку и купила сникерс. Развернув шоколадку она стала ее есть откусывая огромные куски, как это делали герои рекламных роликов. К своему удивлению, она обнаружила, что уже не хочет плакать, и вообще, оказывается, ничего страшного в ее жизни не произошло. Настроение было совершенно безоблачным. Глухая боль, которая жила в сердце всю неделю незаметно ушла, будто выдернули застрявшую там занозу. Тамара поймала себя на том, что тихонько мурлычет песенку, услышанную в ларьке.

Когда сникерс кончился, Тамара зашла в гастронорм и вышла оттуда с большим кульком заварных пирожных. Жуя их на ходу она пешком добралась до дома. Когда Тамара поднялась в квартиру ее настроение было уже совершенно лучезарное. Она долго лежала в горячей ванне, доедая оставшиеся пирожные, а потом забралась в кровать и завернулась до подбородка в уютное теплое одеяло. На тумбочке у кровати как всегда ее ждала стопка непрочитанных романов. Но сегодня она не хотела даже читать. Глаза слипались. Тамара выключила свет и уютно свернулась калачиком под одеялом. Мелькнула мысль, что завтра она сможет по человечески позавтракать, а в обед опять пойдет с девчонками в кафешку, и будет вволю пить кофе со сливками и беззаботно трепаться обо всем на свете.

Тамара улыбнулась. Так с улыбкой она и заснула.

Смерти Моей Хочешь

Ешь Давай и Смерти Моей Хочешь жили вдвоем в двухкомнатной малогабаритной квартире с крошечной кухней, совмещенным санузлом и низкими потолками. Последнее обстоятельство их мало беспокоило. Смерти Моей Хочешь была женщина невысокая, можно даже сказать совсем маленькая. Ешь Давай был пацан восьми лет отроду, и ему все потолки казались недосягаемо высокими.

Три года назад муж Смерти Моей Хочешь вышел вечером выносить мусор и вернулся только через неделю. Под истерические крики жены он собрал в чемодан свои вещи и ушел опять, теперь уже насовсем. После суда Смерти Моей Хочешь стала получать от него алименты. Деньги это были небольшие и она затыкала дыры в семейном бюджете продажей сигарет. Каждое утро она провожала сына в школу, а сама отправлялась на оптовый рынок, где покупала несколько блоков сигарет со

скидкой. Эти сигареты по одной – две пачки она продавала стоя возле станции метро. В сумме переводов от мужа и доходов от торговли сигаретами хватало впритык. С каждым годом этот притык становился все уже. Смерти Моей Хочешь надеялась, что ее бывший муж со временем найдет себе приличную работу и станет платить больше.

Однако, если бы перед ней однажды появилась добрая фея и спросила: "Хочешь я сделаю так, чтобы твой бывший муж получил должность менеджера в крупной компании и стал получать большую зарплату?", то женщина затруднилась бы ответить.

С одной стороны большие алименты могли избавить ее от необходимости стоять на улице и торговать сигаретами. Можно было бы купить сыну новый костюм в школу. Да мало ли на что нужны деньги.

С другой стороны, Смерти Моей Хочешь была так зла на бывшего мужа, что вполне вероятно ответила бы фее: "Черта с два. Пускай помучается, как мы мучаемся!".

Виделись мать с сыном мало. Смерти Моей Хочешь возвращалась домой поздно, иногда от нее пахло спиртным. "Постой-ка на морозе с мое, и не так к бутылке приложишься!", – обычно говорила она в ответ на невысказанный упрек сына. Потом она принималась возиться по хозяйству. Удивительно как много домашних дел скапливается у хозяйки, даже если все семья – она да сын. Единственная радость в жизни это уложить сына спать пораньше, а самой сесть перед телевизором, вытянуть уставшие ноги в старых домашних тапках и забыться в любимом сериале.

Но ужинали они всегда вместе. Это была последняя семейная традиция, сохранившаяся в семье после ухода мужа. За ужином Ешь Давай пытался рассказать матери все свои новости, накопившиеся за день. Новостей было много, и мать только кивала головой, особенно не вслушиваясь, а стремясь побыстрее расправиться с ежевечерней обязанностью. Поэтому основной репликой с

ее стороны во время разговоров с сыном было: "Ты ешь, давай". Эти слова в доме звучали даже чаще, чем его собственное имя. Мальчик так и стал мысленно именовать самого себя, то ли в шутку, то ли всерьез.

Свое же имя женщина заработала другой фразой, которую произносила почти так же часто. Каждый раз, когда мать узнавала о новых похождениях сына она кричала: "Да что ж ты, подлец, вытворяешь, смерти моей хочешь?!". Вслед за этим обычно следовал подзатыльник, на чем воспитательный процесс и заканчивался. А фраза так въелась мальчику в память, что про себя он мать иначе и не называл.

В этот день все начиналось как обычно. Когда стали пить чай Ешь Давай с гордостью заявил:

– А я сегодня занимался любовью с Иркой из третьего "Б"!

– Смерти ты моей хочешь, – автоматически отозвалась мать. Затем информация просочилась в мозг и она переспросила,

надеясь, что ослышалась. – Чем ты с ней занимался?

– Любовью. Три раза!

– Постой, постой, ничего не понимаю, – остановила его мать, все еще пытаюсь разобраться, что произошло. – Ну-ка рассказывай все по порядку.

– Ну, знаешь, у нас за школой есть сарайчик, там никого нет. Мы туда пошли после уроков: я, Мишка Перегудов и Ирка.

– Что, вдвоем?! – Смерти Моей Хочешь схватилась за сердце и побледнела так, будто и в самом деле собралась умирать.

– Ага. Ирка сказала, что с одним получается слишком мало. Но Мишка только один раз Ирку любил, а я целых три.

Мальчик гордо замолчал, явно ожидая похвалы от матери. Та, однако, не торопилась. Женщина молча размешивала ложечкой сахар в стакане с чаем. Наконец, она решилась.

– Ну и как вы занимались любовью? Расскажи пожалуйста.

– Ну как? Как все. Заплатили Ирке сколько

она сказала и поцеловали ее по очереди.

Услышав о поцелуях мать облегченно перевела дыхание. Мальчик тем временем продолжал.

– Ирка сказала, что поцелуй стоит десять рублей. У Юрки было только восемь, но он сказал, что два рубля принесет завтра. А Ирка сказала, что тогда пусть завтра и целует, а бесплатно она целоваться не станет. Тогда я сказал, что заплачу два рубля за Мишку, потому что он мой друг, и Ирка согласилась. А потом у меня еще осталось на три поцелуя.

– Ох, – только и смогла произнести мать, борясь с голубыми и розовыми кругами, которые плавали перед ней в воздухе. – А у тебя-то откуда такие деньги взялись?

– Мам, ты только не сердись. Ты же мне дала деньги на проездной. А я подумал, что мне пора уже стать настоящим мужчиной. Вот я этими деньгами и заплатил Ирке.

Упоминание о том, что мальчик потратил деньги, выданные ему на проездной билет, вернуло женщину к жизни. Чайная ложечка,

которой она во время всего разговора механически крутила чай в чашке взмыла в воздух и с треском опустилась на макушку сына.

– Смерти ты моей хочешь! Весь в отца пошел. Как только завелись деньги тут же их на проституток потратил. Подонки! Вот высеку тебя, будешь знать, как со всякими шлюхами по сараям лазить.

Женщина схватила кухонное полотенце, свернула его в жгут и принялась лупить сына по голове, по плечам, по чему придется. Мальчишка заревел в голос, выскочил из-за стола и спрятался в ванной, где закрылся изнутри на задвижку. Некоторое время мать стояла под дверью, оглашая квартиру однообразными воплями про грязных шлюх и подонков мужчин. Постепенно ее крики утихали, становились все более несвязными. Наконец, успокоившись, она расплакалась и ушла на кухню.

Мальчик осторожно вышел из ванной и заглянул в кухню. Мать сидела на кухне,

плакала и что-то объясняла невидимому собеседнику. Он не стал подходить к ней, по опыту зная, что той нужно время, чтобы придти в себя после истерики. Мальчик осторожно притворил дверь и отправился в свою комнату.

Вечер для маленькой семьи закончился необычно. Уложив сына спать, мать не ушла как всегда в большую комнату смотреть телевизор. Вместо этого она взяла стул и села возле его кровати, как делала это давным-давно, когда у нее была настоящая семья, а сын был просто сладким малышом-колобком. Мать протянула руку к его голове и мальчик сжался, ожидая нового подзатыльника. Но рука мягко опустилась на макушку и погладила непокорные, вечно лохматые кудряшки. Мать смотрела на мальчика и молчала, пытаясь собраться с мыслями. Ей так много нужно было сказать сыну.

Один Мальчик

Ребенок должен кушать. Это девиз всех мам и бабушек известной мне части вселенной. Может быть где-то и есть продвинутые родители, которые понимают, что на самом деле ребенку не так много и нужно. А если он проголодается, то не дурак, сам попросит и слопает все за милую душу. Еще и добавку попросит, если понравится, конечно. Искренне надеюсь, что такие родители действительно бывают.

Однако мой личный опыт связан с обычными родителями, представителями самой консервативной школы воспитания. Эта школа утверждает, что ребенок не просто должен хорошо питаться. Основной постулат гласит, что ребенок должен соблюдать режим питания. Ох уж этот режим! Спи когда не хочется, вставай когда не выспался, выходи гулять когда только придумал игру для дома, и наоборот, отправляйся домой в самый разгар уличной потехи. А почему? Потому, что так положено по режиму. В общем не жизнь, а сплошная бюрократия. И конечно же

регулярное питание, это дело святое. Хочешь, не хочешь – лопай.

Взрослые не считают маленьких детей личностями достойными честной игры. Арсенал их грязных трюков по отношению к детям настолько велик, что его полное описание составит не один увесистый том. Ребенок должен кушать и этим сказано все. Главное запихать в него абсолютно ненужную для него, но невероятно важную для родителей еду. Применяемые для этого способы и средства обсуждению, а тем более осуждению не подлежат.

Меня сажали за стол и передо мной ставили тарелку с ненавистой молочной кашей. Я был развит не по годам и смотрел (подсматривал) по телевизору все подряд. В результате я был абсолютно уверен, что Олега Кашевого пытали именно из-за отказа есть кашу. Поэтому я тоже стискивал зубы и делал героическое лицо, как герои партизаны в гестапо. Но это не помогало. Куда там наивным немцам с их убогими методами

убеждения. Они работали по старинке. А бабушка у меня была человеком творческим.

Как и в абсолютном большинстве подобных случаев, бабушка действовала исключительно с благими намерениями. Она просто рассказывала мне разные истории. Формально, все это оправдывалось великолепными результатами. Я слушал раскрыв рот, в который быстренько и заталкивалась пресловутая каша. Все было бы хорошо, если б не одна деталь.

Все рассказы начинались одинаково: "Один мальчик никогда не ел кашу...". Далее рассказывалось о всевозможных неприятных ситуациях, в которые мальчик попадал из-за этого. Рассказы были разнообразными, но мораль была неизменна. Не съеденная вовремя тарелка каши отзывалась мальчику самыми страшными бедами.

— Ну и что? — спросите вы. — Это же классика жанра. Элементарная психология, доступная даже домохозяйкам и матерям-одиночкам.

Конечно, конечно, соглашусь я с вами. Но позвольте обратить внимание вот на что. Вы помните, как начинались все истории? "Один мальчик". Так вот, в моем понимании это был один и тот же мальчик. Его так и звали – Один Мальчик. И на этого беднягу ежедневно сыпались все горести и неприятности мира.

Теперь постарайтесь понять мое состояние. Каждый день я садился за стол и слушал рассказ об очередной катастрофе, случившейся с тем самым несчастным мальчуганом. Мне было безумно жаль его. От меня ожидалось, что я подумаю и осознаю все несправедность своего поведения, увижу страшные последствия, которыми грозит мне несъеденная каша. А я замирал от ужаса ожидая очередной напасти свалившейся на Одного Мальчика.

Как я переживал за него! Я не понимал, как тот вообще умудрился до сих пор остаться в живых. Это был мой ежедневный сериал-ужастик. Каждый день садясь за стол я со страхом ждал новых известий об Одном

Мальчике. И когда бабушка произносила заветные слова я уже знал, что ничего хорошего не предвидится.

Естественно, я не поправлялся. Все калории, которые бабушка запихивала в меня, сгорали вместе с моими переживаниями. Это убеждало родителей в том, что меня надо кормить еще интенсивнее.

Чем все это закончилось? Я стал кушать кашу. Я съедал ее с молниеносной быстротой, чтобы не дать бабушке предлога начать рассказ об очередных несчастьях Одного Мальчика. В дом пришла радость – ребенок стал хорошо кушать. Я тоже был доволен, ужасные новости больше не терзали меня.

С тех пор прошло много лет. Теперь я сам взрослый и частенько мне самому приходится кормить маленького сынишку. Когда тот не ест я с садистким удовольствием рассказываю ему про одну девочку, которая не ела кашу. Отработанная схема действует безотказно – сынишка слушает мои рассказы с открытым ртом и мне удастся быстро запихнуть в него

кашу.

Наконец, во мне заговорила совесть и решил больше не мучить его ужастиками про Одну Девочку. В середине обеда малыш внезапно прекратил есть и спросил, почему я не рассказываю про девочку, которая не ела кашу.

— Ну, видишь ли, я подумал, а вдруг тебе ее жалко, — осторожно ответил я.

— Не-а! — с набитым ртом сообщил мне карапуз. — Ты давай рассказывай. Ненавижу девчонок!

В тот же день я снял с себя обязанности кормить сына.

Инопланетянка

Борис Степаныч отличался мнительностью и вспыльчивостью, а должность начальника отдела, как известно, не способствует улучшению таких черт характера. Следует признать, что обычно он так же быстро и

остывал. За исключением крайне редких случаев, когда возникшая неприязнь не проходила, и тогда он принимался "гноить подчиненного".

Когда прежняя секретарша ушла в декретный отпуск (объективности ради отметим, что Борис Сергеевич был тут совершенно ни при чем), он попросил отдел кадров подобрать новую. На следующее утро в его кабинет вошло очаровательное блондинистое создание с огромными синими глазами и длинными стройными ногами. Интересно, подумал Борис Степаныч, а она что-нибудь вообще умеет делать? При такой внешности это было сомнительно.

Не успел он додумать эту мысль, как существо бархатным голоском сообщило, что прекрасно справляется с делопроизводством, свободно говорит на английском, немецком и японском, и знает все программы Microsoft Office. Блондинка сообщила, что уже посмотрела доставшийся ей в наследство беспорядок и пообещала в ближайшее время

перевести всю документацию в цифровой формат и хранить в своем компьютере с ежедневным копированием на главном сервере организации. Затем, не давая начальнику опомниться, предложила создать базу клиентов с удобным интерфейсом для неподготовленного пользователя. Под неподготовленным пользователем подразумевался, разумеется, непосредственный начальник.

Борис Степаныч ошалело кивнул, затем взял себя в руки.

– Милочка, все это просто замечательно, но для начала вы бы представились.

Не моргнув глазом очаровательное существо выдало все тем же бархатным голоском:

– Меня зовут Вера Павловна и я не потерплю никакой фамильярности вроде "милочка", "лапочка" и прочего. Я буду выполнять свои служебные обязанности, а вас попрошу соблюдать нормы служебного общения. О сексе сразу забудьте – после

первого намека или фривольной шутки я тут же увольняюсь.

В ответ Борис Степаныч сухо поздравил секретаршу с новым местом работы и предложил незамедлительно приступить к выполнению служебных обязанностей.

Так Вера Павловна начала работать секретаршей. Работала она безукоризненно. Она и в самом деле сделала все, что обещала, что значительно облегчило Борису Степанычу работу. Новая секретарша обладала безукоризненной памятью и выполняла абсолютно все его поручения. Включая те, о которых он благополучно забывал. Казалось, ей доставляло некое садистское удовольствие напоминать о них.

Все это не могло не раздражать. А если учесть, что однажды на автоматически брошенную начальником фразу о том как она сегодня прекрасно выглядит, вместо положенного кокетливого "только сегодня?" секретарша намекнула, что может расценить это как сексуальное домогательство, можно

понять, что Борис Степаныч невзлюбил секретаршу всерьез. Это был тот редкий случай, когда возникшая неприязнь не прошла, а лишь крепла день ото дня.

Борис Степаныч давал Вере Павловне все новые и новые поручения. Порой абсолютно ненужные, зато отнимающие много времени. Она никогда не возражала и безропотно оставалась после работы, чтобы, например, подготовить презентацию—отчет о товарообороте фирмы со странами Восточной Европы за 2005—й год.

В день, когда начались непонятные события, Борис Степаныч пришел на работу невыспавшийся и в страшном раздражении. Проходя мимо Веры Павловны, как всегда очаровательной и собранной, уже что-то выстукивающей на клавиатуре, он не сдержался, вспомнил старую армейскую шутку и сказал:

— Вера Павловна, я жду важный звонок от нашего адвоката, господина Лебедева. Будьте добры, предупредите меня за пять минут до

того как он позвонит!

Вера Павловна бросила на шефа мимолетный внимательный взгляд, затем кивнула:

– Хорошо, за пять минут до звонка, – отметила что-то у себя в блокноте и продолжила печатать.

Борис Степаныч прошел в кабинет, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Зато он сломал ручку "Паркер", что помогло восстановить внутреннее равновесие.

День шел как обычно, пока в половине двенадцатого из интеркома не донесся голос Веры Павловны:

– Борис Степаныч, вы просили предупредить вас – через пять минут позвонит господин Лебедев.

– Благодарю вас, – ответил начальник и быстро выключил интерком.

Борис Степаныч побелел от злости. Ну вот и все, подумал он. Настали твои последние пять минут в моей конторе, дорогуша. То что можно старшине–старослужащему, того

нельзя солдату—первогодку. Борис Степаныч поднял глаза на часы. Он решил честно подождать пять минут, а затем уволить возомнившую о себе дрянь к чертовой матери.

Пять минут протекли в приятных мыслях. Борис Степаныч составлял фразы одну ехиднее другой; представлял как секретарша будет оправдываться и просить прощения. Но он будет непоколебим. Всему есть свои границы. Так насмехаться над собой он не позволит никому.

Наконец пять минут прошли. Борис Степаныч решил подождать для верности еще пару минут, но в это время на его столе заверещал телефон. Борис Степаныч вздрогнул. Осторожно, как блинчик с раскаленной сковороды, он снял трубку с подставки и поднес к уху. В телефоне раздался знакомый голос адвоката.

Остаток дня Борис Степаныч уже не мог работать. Недоумение от точно предсказанного звонка смешалось с досадой, что не удалось с позором выгнать занозы—

секретаршу. Борис Степаныч пришел в состояние крайнего раздражения. Он пытался убедить себя, что это просто дурацкое совпадение, но не слишком в этом преуспел. В конце концов, в два часа дня он встал и отправился лечить явление с американским названием "стресс" чисто русскими средствами, то есть рюмкой—другой водки.

Проходя мимо секретарши Борис Степаныч сообщил, что отправляется на важную деловую встречу. Затем, как бы мимоходом, поблагодарил за своевременное предупреждение о звонке адвоката. Вера Павловна очаровательно улыбнулась и скромно ответила:

— Не стоит, это моя работа.

Всю ночь Борис Степаныч не спал. Он решил проверить секретаршу еще раз. В конце концов, ведь не может она угадывать вечно.

Следующим утром, проходя в свой кабинет, он опять попросил секретаршу заранее предупредить о звонке директора банка "Реалти—Инвест". Та невозмутимо

кивнула.

Все повторилось в точности как вчера. Сначала Вера Павловна предупредила Бориса Степаныча по интеркому, а ровно через пять минут раздался звонок директора банка.

Поговорив с банкиром, Борис Степаныч погрузился в размышления. Сомнений больше не оставалось – его секретарша обладала способностью предсказывать будущее.

Но как она это делает? Обычному человеку это не по силам. Выходит, она экстрасенс с даром предвидения? Говорят, такие встречаются. Однако, если разобраться, все предсказания будущего сводятся к набору туманных фраз, которые уже впоследствии, задним числом, можно трактовать как указание на любое свершившееся событие. И никто никогда не берется предсказывать на пять минут вперед. Вот на следующее тысячелетие – это пожалуйста. А мелочиться по минутам – это не в их правилах.

Итак, экстрасенса Борис Степаныч исключил. Тем более, что все виденные им

экстрасенсы оказывались на проверку обычными шарлатанами.

Тогда – кто?

Борис Степаныч стал вспоминать, что ему известно о Вере Павловне. Оказалось, что о собственной секретарше он не знает практически ничего: где она живет, где училась, чем занималась раньше. Не мог сказать даже, замужем ли она. На ее пальцы – при такой-то фигуре! – он не обращал внимания и не помнил, носит ли она обручальное кольцо.

Секретарша всегда была предельно корректна, никогда не шутила, улыбалась лишь по служебной необходимости. Всегда все помнила. Никогда не совершала ошибок. В общем вела себя скорее не как живой человек, а как робот.

Эта мысль насторожила Бориса Степаныча. Робот... А почему бы и нет. Что там она говорила о знании иностранных языков? Правильно: английский, немецкий и японский. Ну, с первыми двумя понятно.

Образованная молодежь сегодня поголовно лопочет и на английском, и на других европейских языках. А вот японский не каждому по силам. Да и не модно.

Зато именно японцы прославились своими человекоподобными роботами. А что если Вера Павловна – прототип новейшей модели? Привезли тайком из Японии в ящике, и устроили к нему в офис чтобы провести, так сказать, полевые испытания? А завкадрами дали на лапу чтобы молчал гад. Недаром он не показал мне ее личное дело. Только сказал, что девушка полностью подходит, не нарядуетесь.

Да уж, порадовался...

Несколько минут Борис Степаныч обдумывал мысль, что Вера Павловна – японский робот. Это объясняло ее работоспособность и потрясающую точность, с которой она выполняла все поручения. Разумеется и компьютер для нее лишь простенькая игрушка. Но способность предсказывать будущее?

Борис Степаныч встал, подошел к бару и налил себе большую рюмку водки. Медленно, с чувством, выщедил. Достал из банки соленый огурчик и, хрумкая, вернулся за стол. Вытер пот со лба, закурил.

Все это глупости, наконец сказал он себе, совершеннейшая фантастика. Никакой робот не в состоянии предсказывать будущее. И вовсе Вера Павловна не робот. Как мужчина Борис Степаныч мог утверждать это с полной ответственностью.

Однако, элемент фантастики во всем происходящем явно присутствовал. Если Вера Павловна не обычный человек, не экстрасенс и даже не робот, тогда — кто она?

Борис Степаныч почувствовал, что его лоб опять покрылся испариной. Вот оно. Как же он сразу не догадался? Если она не человек и не робот, то остается одно—единственное объяснение: Вера Павловна — инопланетянка!

Борис Степаныч не спеша поднялся из-за стола и совершил еще одно путешествие к бару. На этот раз бутылку и маринованные

огурчики он захватил с собой. Предстояло многое обдумать.

Итак, Вера Павловна – инопланетянка. Это не вызывает никаких сомнений. С какой целью она прилетела на Землю? Почему выбрала именно его офис?

Борис Степаныч выпил рюмку и закусил. Все это вопросы высокой инопланетной политики и они его не касаются. Самое лучшее в данной ситуации – сделать вид, что он ни о чем не догадывается. У Веры Павловны (или как там ее зовут по настоящему?) есть свое задание. Вот пусть она его и выполняет. В конце концов Борис Степаныч не ФСБ и не комиссия по контактам с инопланетянами. Мешать ей он не станет, иначе секретарша просто уволится и устроится на другое место.

А вот этого теперь Борис Степаныч допустить не мог. У него появилась мысль использовать способности Веры Павловны в своих целях. Не показывая, что он раскрыл ее, следует в своих интересах воспользоваться ее

способностью предугадывать будущее.

Когда бутылка опустела, а в банке остался лишь крохотный сиротливый огурчик, Борис Степаныч пришел к решению. Покопавшись в компьютере, он распечатал список своих акций. Он уже давно и безуспешно играл на бирже и вот теперь настал его звездный час. Пусть контакт между цивилизациями идет своим чередом — он, как и положено нормальному бизнесмену, отрежет свой кусок пирога.

Борис Степаныч поднялся и держа в руке список акций подошел к секретарше.

— Вера Павловна... — неуверенно начал он.

Та с готовностью отложила в сторону какую-то бумажку и всем видом показала, что готова выполнить новое распоряжение шефа.

— Вера Павловна, — запинаясь, повторил Борис Степаныч. — Я хочу попросить вас об одной вещи. Это, в общем-то не входит в ваши непосредственные служебные обязанности...

Секретарша ту же напряглась.

— Борис Степаныч, я предупреждала вас!

– Нет, нет, – поспешно перебил ее начальник. – Ничего личного, уверяю вас. Просто я хотел попросить вас... – он опять замялся.

– О чем же? – взгляд синих глаз был снова безмятежным.

И Борис Степаныч решился.

– Вот список акций. Я вас очень прошу, посмотрите котировки на бирже, и предупредите меня заранее когда ожидается рост или падение их курсов. И вообще, было бы неплохо, если бы вы заранее информировали меня о предстоящих резких изменениях индексов на бирже.

Борис Степаныч перевел дух. Он подождал, пока информация уляжется в сознании у секретарши и уже другим, менее официальным тоном добавил:

– Поверьте, я умею быть благодарным. Если вы вовремя предупредите меня о грядущих изменениях биржевых курсов, я в долгу не останусь. Как насчет десяти или даже пятнадцати процентов от будущих прибылей?

Ответом послужил полный недоумения взгляд секретарши.

— Я... я не понимаю... Я совершенно не разбираюсь в бирже. И я не могу предсказывать колебания курсов.

Борис Степаныч многозначительно подмигнул.

— В том то и дело, что можете. — Он прижал руку к сердцу. — Поверьте мне, я никому не скажу о ваших способностях. Но и вы помогите мне. Вам же это ничего не стоит. Просто скажите мне за пять или десять минут, что ожидается резкий подъем или падение курса акций из списка, который я вам дал. И все. Вам это несложно. Вы ведь умеете предсказывать будущее!

Вера Павловна в изумлении уставилась на начальника. Она, наконец, уловила запах водки, исходящий от него.

— Да вы пьяны! — сказала она. — Ради бога, скажите, почему вы решили, что я умею предсказывать будущее?

Весь ее вид излучал полное недоумение.

Но Борис Степаныч понимал, что верить ей нельзя. Он решил пойти ва-банк. Нечего этой чертовой инопланетянке строить тут из себя девочку. Он наклонился почти вплотную к лицу секретарши и прошептал:

– Я раскрыл вас. Вы – инопланетянка. Меня не касается, с каким заданием вы сюда заброшены. Но за мое молчание, вы будете сотрудничать со мной. Или вы сделаете то, о чем я вас прошу, или я сообщу в соответствующие инстанции. Там с вами церемониться не станут, поверьте мне.

Напуганная неожиданным напором секретарша прошептала:

– Что за глупости!

– Это вовсе не глупости, – ответил Борис Степаныч. – Вы выдали себя. Я дважды проверял вас. Вы не можете отрицать этого. Вчера вы предупредили меня за пять минут до того, как позвонил адвокат. А сегодня, точно так же предугадали звонок директора банка. Как вы могли узнать об этих звонках, если не обладаете способностью предвидеть будущее?

Вера Павловна отъехала в кресле подальше от заседающего шефа и демонстративно помахала перед лицом ладонью.

— Ах вот вы о чем!

— Да, я об этом, — с напором подхватил начальник. — Вы же не станете отрицать, что предсказали оба этих звонка с поразительной точностью?!

Неожиданно секретарша рассмеялась. Впервые, за несколько недель работы она позволила себе проявить человеческие чувства. Она смеялась минут пять, вздохнув, вытирая слезы и размазывая по щекам поплывший макияж. Наконец она ответила:

— Ах, Борис Степаныч, Борис Степаныч! Ну к чему все так усложнять! Вы предупредили меня, что ждете важный звонок, и попросили предупредить о нем заранее. Я поняла, вам нужно пять минут, чтобы подготовиться к разговору и приняла свои меры. Дело в том, что бизнесмены уровня преуспевающих адвокатов или директоров банка сами никогда по телефону не звонят, а просят секретарш

соединить их. Да вы и сами обычно так поступаете. Ведь правда?

Борис Степаныч кивнул.

– Ну вот, – продолжала Вера Павловна. – а две секретарши всегда найдут общий язык.

Когда позвонила секретарша адвоката, я просто попросила ее перезвонить ровно через пять минут, а сама связалась с вами по интеркому и предупредила, что через пять минут вам позвонит адвокат. То же самое на следующий день я проделала и с директором банка.

Вера Павловна сделала паузу и посмотрела в затуманенные глаза шефа.

– Вот и весь секрет. Все мои способности состоят лишь в том, что я хорошо умею выполнять служебные обязанности. А вот предсказывать будущее, простите, это не ко мне.

Борис Степаныч промычал нечто невразумительное и молча удалился в свой кабинет. До конца рабочего дня он не выходил оттуда и не отвечал ни на телефонные звонки,

ни на вызовы по интеркому.

ФСБ, Морзе и лесные пожары

Они встретились в своем излюбленном кабачке в центре Москвы. Раньше они бывали здесь почти ежедневно, но теперь их встречи стали редкими: друзья повзрослели и, главное, изменился их социальный статус. Раньше они были Женька, Ленька, и Серега. И были они простыми хакерами. Вернее не простыми, а очень продвинутыми. Что и определило их будущее.

Конец веселой жизни трех выпускников МГУ положил вызов в некую организацию, которая в числе прочего, отслеживала деятельность хакеров. Леньке и Сереге предложили бросить взламывание сетей, а наоборот, заняться охраной федеральной банковской сети. На серьезных, хорошо оплачиваемых должностях.

Женьке повезло меньше. Хотя, это зависит

от точки зрения. Он сам, к примеру, ни о чем не жалел. Ему предложили выбор: два года исправительной колонии общего режима или работу в органах безопасности. Женька долго не выбирал. В результате, после курсов переподготовки, он стал работать в подотделе компьютерной безопасности при отделе контразведки ФСБ. Через год он уже руководил большой группой.

Так что теперь для окружающих они были, соответственно: Евгений Петрович, Леонид Анатольевич и Сергей Павлович. В своем кругу, они, разумеется, называли друг друга по-прежнему.

Эта встреча была первой за год. После короткого обмена семейными новостями, разговор неизбежно перешел на компьютеры и работу, которые по-прежнему занимали в их жизни главное место.

И вот, когда Серега открыл и разлил вторую бутылку, он неожиданно повернулся к Женьке и сказал:

– Все что вы делаете – полная фигня. Я

сейчас навскидку могу привести три-четыре простых способа, которыми среднестатистический Вася Пупкин обойдет все ваши заслоны, и отправит в ЦРУ содержимое папки с секретными документами.

Ленька одобрительно хмыкнул. Видимо, эта тема неоднократно всплывала в их разговорах, и он полностью поддерживал приятеля-коллегу.

К их удивлению, Женька не стал возражать.

– Ты абсолютно прав, дружище, – сообщил он, – хотя это страшная государственная тайна. Среднестатистический пользователь Интернета, несмотря на все наши заслоны, специальные программы, трояны, вирусы и черт знает что еще, может совершенно безнаказанно отправить за границу секретные документы через один из сайтов или по электронной почте.

Мужики уставились на Женьку в изумлении. Они чуяли подвох, но пока не

понимали в чем он заключается. А тот продолжал, как ни в чем ни бывало.

– Более того. Ничто не мешает твоему приятелю просто купить туристическую путевку в США, сесть в самолет и через двенадцать часов вручить эту пресловутую папку с секретными документами лично директору ЦРУ прямо возле Белого дома. И никакой Интернет ему для этого не нужен.

За столом воцарилась пауза. Пока мужики переваривали мои слова, Женька налил себе рюмку водки и с удовольствием выпил. Подцепил вилкой маринованный грибок и тщательно прожевав, проглотил.

– Подожди, – сказал Ленька, который первым пришел в себя. – А какого фига вы там тогда делаете, если это так просто?

Женька хитро поглядел на него:

– Дорогие мои, вы не понимаете азов разведывательной работы. Да, Вася Пупкин может отправить секретные документы и через Интернет, и по обычной почте, и даже лично отвести их. Вопрос в другом. – Женька

сделал драматическую паузу. – Вопрос стоит так: "Откуда у среднестатистического гражданина, не работающего на секретном предприятии, не имеющего доступа к секретным документам и никогда не встречавшимся с людьми знающими таковую информацию, возьмется эта самая папка с секретными документами?"

Мужчины задумались. А ФСБшник продолжил:

– Короче говоря, дело в том, что нам нет смысла следить абсолютно за всеми. Подавляющее большинство граждан нас просто не интересует. Они могут писать и передавать все что угодно. У них нет информации, которая представляла бы интерес для иностранной разведки. А те у кого и в самом деле может оказаться эта самая папка с секретными документами, нам хорошо известны. И за всеми мы пристально следим, как говорится в рекламе, двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году.

Друзья рассмеялись. В это время принесли

горячее. Некоторое время, мужчины сосредоточенно жевали. Потом Серега вернулся к теме, которая его явно интересовала:

– И ты хочешь сказать, что вы можете отследить все действия людей, даже если вы их знаете? Как говаривал Станиславский "не верю!". Если хочешь, могу поспорить с тобой, что даже при самой тотальной слежке, я смогу передать информацию через Интернет так, что вы не заметите.

Женька усмехнулся про себя. Именно такая самонадеянность сгубила уже не одного секретного агента. Однако он не стал портить настроение друзьям. Вслух он сказал полуправду:

– Всегда остаются новые возможности, до которых мы еще не доперли. И чем дальше тем больше. И мы боремся с этим разными методами. В частности именно поэтому вы с Ленкой и работаете на нас, а не на ЦРУ.

Этим он восстановил благодушное настроение за столом. Но ненадолго. Доев

свою порцию, Серега поковырялся в горшочке и ничего оттуда не выловив, со вздохом вытер губы салфеткой.

– Выходит, я прав. При всех ваших хваленых методах, дыры в защите есть. И дальше будет только хуже.

Женька хитро взглянул на приятеля.

– Знаешь, самое интересное заключается в том, что для передачи секретной информации, совершенно незачем прибегать к самым современным средствам связи.

– Ты можешь привести пример?

– Именно это я и собираюсь сделать.

Конечно, не ждите от меня имен и прочей конкретики, но это и неважно.

Женька достал сигареты и закурил.

Мужики последовали его примеру. Наступило время для послеобеденной истории.

– Думаю, что не открою страшную тайну, если скажу, что в ЦРУ имеются наши агенты.

Друзья хмыкнули. А Женька продолжал:

– И вот от одного из них мы получили сообщение, что в ЦРУ регулярно поступает

информация из одного научно-исследовательского института. Информация была крайне важная и засекреченная. И была во всем этом одна странность. Информация поступала мизерными порциями, два-три листа печатного текста за один сеанс передачи, не больше. А там – многотомная документация и, главное, кроме текста – чертежи, схемы и куча всего прочего. Но от агента поступала исключительно текстовая информация, причем в крохотных объемах.

Мы негласно перепроверили всех сотрудников и выявили нескольких, кто в принципе мог передавать эту информацию. За ними установили плотное круглосуточное наблюдение, которое не дало ничего. Внутри института, разумеется, выход в мировую сеть тщательно контролировался. А в неслужебное время никто ничего подозрительного в сети не делал. Так, смотрели новости, переписывались с друзьями. Не ухмыляйтесь, мы все тщательным образом проверили – это была действительно простая дружеская переписка.

Можно, конечно, передать разовое сообщение классическим кодом "тетя Эльза умерла, похороны в пятницу". Но тут речь шла о многотомных документах.

– И тем не менее, информация уходила, – напомнил Ленька.

– Да. И это не давало мне покоя. Я вызвал группы наблюдения и стал вытряхивать из них все, что делали мои подопечные. Попросил наблюдателей забыть о Сети, и вспомнить все, что хоть как-то выходило за рамки обычного поведения. Никто ничего не мог припомнить. Наконец, дошла очередь до группы наблюдавшей за сотрудником института, назовем его "Икс". Этот Икс всю весну, достаточно холодную, жил на даче. Дача находилась в маленькой подмосковной деревушке, и он тратил по два часа на дорогу в один конец. Деревушка маленькая, даже электрического освещения по ночам толкового нет: один фонарь перед сельсоветом – или как это сейчас называется, – другой перед клубом, да и в том лампочку

давно разбили.

Сам Икс из места своего проживания секрета не делал. Все в институте знали, что нервы у него ни к черту, и он при первой возможности удирает в свою глушь, где только и может нормально существовать, без толпы прохожих и шума машин.

Дача представляла собой простой деревенский дом, обнесенный сплошным высоким забором. Поэтому камеру наблюдения установили за деревней на пригорке. Несколько дней вели непрерывную запись. Затем просмотрели ее и не нашли ничего подозрительного. Хотя...

За это "хотя" я и ухватился. И вытряс из них следующее. Оказалось, что раз в два дня, ровно в два часа ночи Икс выходил во двор и пятнадцать минут играл с электрическим фонариком. Они именно так и сформулировали: "играл с фонариком". Ребята не дураки. Они, конечно, обратили на это внимание. Забрались в дом, когда там никого не было и тщательно исследовали фонарик.

Раскрутили его полностью, но ничего подозрительного не обнаружили. Обычный китайский фонарик: цилиндрический корпус, лампочка и две батарейки.

Я потребовал, чтобы они объяснили загадочный термин "играл с фонариком". Выяснилось, что он просто включал и выключал его.

Женька сделал паузу и выжидающе посмотрел на друзей. Но те уже все поняли.

– Азбука Морзе! Боже мой, сорок первый год: "Партизанен сдавайтесь! Ахтунг панцер! Вызываю огонь на себя!". Ты что это серьезно?

– Вполне. Я потребовал видеозапись этих "игр с фонариком" и увидел, как Икс стоит посреди двора направив фонарик в небо и включает и выключает свет. Помните, как мы ворчали, когда на военке нас заставляли учить эту чертову азбуку? Так вот, это была именно морзянка. Более того, мерзавец даже не удосужился шифровать сигналы: стоял и передавал информацию открытым текстом.

– А что же твои "великие сыщики" не смогли сразу понять в чем дело?

– Видишь ли, мои велики сыщики учились в другом месте и по другой программе. Это нас учили по методике, утвержденной министерством обороны в 1965 году и с тех пор похоже ни разу не пересмотренной. А ребят учили новейшим методам связи, и азбуку Морзе, как устаревшую, им не преподавали. В общем повязали, мужика, как миленького. Никуда не делся.

Женька замолчал. Ленька с Серегой разочарованно переглянулись – история оказалось далеко не такой захватывающей, как обещала быть в начале.

– И это все? – наконец спросил Серега.

– Ну что ты, – ответил Женька. – Все только началось. Ну выловили одного. А сколько таких "Радисток Кэт" осталось? Ведь раз уж они разработали канал связи, специальный спутник запустили, то должны активно пользоваться им. Наверняка были и другие агенты.

– И что же?

– Ну, смотрите сами. Как можно засечь людей, передающих световой сигнал на спутник? Только таким же спутником. А поскольку мы не знали точной орбиты их спутника, да и неизвестно один ли он там, то нам был необходим постоянный ночной мониторинг хотя бы территории подмосковья, а лучше вообще всей страны. А это минимум три спутника. Мы отправили запрос в Роскосмос. Те пообещали в течение двух месяцев изготовить и запустить все что нам надо. Оставалось решить – как быть в оставшиеся два месяца? Нельзя же просто ждать. Обнаруженный канал следовало перекрыть немедленно. Что я и сделал.

– Но как? – удивился Серега.

– А вот ты сам подумай. Чисто теоретически. Как можно прекратить передачу по каналу связи, который ты не в состоянии просто закрыть?

– Ну, это элементарно, поручик! Задача стандартная и решена давным-давно: в канал

связи следует запустить помехи, которые заглушат полезный сигнал. Но это в теории. А вот как можно перекрыть этот конкретный канал — ума не приложу.

— Я тоже сначала ломал голову. Хорошо было бы устроить сплошной облачный покров. Но, синоптики этого не умеют. Правда на праздники они регулярно разбрасывают с самолетов вокруг Москвы кучу какой-то химической дряни. Но это наоборот, чтобы облака не формировались. Да и то, по-моему эффекта от этого не больше, чем от шаманских плясок.

Женька затянулся остатком сигареты и загасил бычок.

— Ну, так что же ты придумал? — спросил Ленька.

— Да ничего сложного. Я подумал, что еще может представлять помехи для светового сигнала? Ответ оказался очень простым — дымовая завеса. Даже не сильный дым полностью скроет свет слабого фонарика. Или безнадежно исказит передаваемую

информацию. Те самые помехи в канале.

— Где же ты взял столько дыма?

Женька широко улыбнулся:

— Помните лесные пожары прошлым летом? Вот они и дали нам необходимую дымовую завесу. По сведениям от наших американских агентов сообщения по этому каналу прекратились полностью. Ну а в начале осени запустили спутники и мы выловили целый десяток "радистов". Как вам идея? — спросил Женька приятелей.

Те ошарашенно уставились на него.

— Подожди, подожди. Ты хочешь сказать, что те страшные пожары дело твоих рук? — еле выдавил из себя Серега.

Довольный Женька откинулся на пинку стула.

— Ну да! По-моему я нашел, как выражаются математики, очень элегантное решение. Не правда ли?

За столом повисла пауза. Приятели не спешили соглашаться с Женькой. Некоторое время они сидели молча. Затем так же молча

поднялись, положили на стол деньги за ужин и, не прощаясь, направились к выходу.

Женька повернулся и закричал им вслед:

– Эй, постойте! Ну вернитесь же, ребята!

Вы что и в самом деле мне поверили?

Ленька с Серегой остановились и нерешительно подошли к столу. Женька надрывался от хохота.

– Ну дурачье! Совсем уже забыли наши приколы? А сами сколько раз меня разыгрывали!?

Наконец приятели сели и как по команде вытерли вспотевшие лбы.

– Ну ты это, совсем разошелся. Так ты все это придумал?

– Разумеется. Прямо по ходу разговора. Вон, видите, в окне напротив мигает свет? Видимо, там вечеринка со световыми эффектами. Это навело меня на мысль о том, что так можно передавать информацию азбукой Морзе и никто не обратит внимания. Так уж у меня в последнее время работают мозги. Отсюда появились фонарик и спутник.

Потом увидел, что фонарика вам мало, вот и добавил эту жуть с лесными пожарами. А вы тоже хороши. Поверили в такую чушь: морзянка фонариком на спутник, дымовая завеса на всю страну! Совсем чувство юмора потеряли!

Женька подозвал официанта и заказал десерт. Через несколько минут друзья ели салат из тропических фруктов и дружески болтали о всяких пустяках. Вернее болтал Женька, а его друзья только односложно отвечали ему, порой невпопад.

Дом, который построило СМУ

Сижу в летнем кафе, пью пиво, наблюдаю за окружающими. Есть у меня такая игра: угадывать или, скорее, фантазировать, что за люди идут по улице, куда и зачем.

По-диагонали через дорогу мне виден старый кирпичный дом. Над входом в стене декоративными кирпичиками выложена

надпись "1968 г. СМУ-5". Возле дома крутится подозрительный мужик. Его слегка пошатывает. Небритые щеки, грязные волосы, мятая одежда. Типичный наркоша. Он осматривается вокруг.

Пытаюсь взглянуть на мир его глазами и вижу следующее. Дом расположен очень удобно. Вокруг деревья и высокие кусты, фонарей поблизости нет, а лампочка в подъезде давно выкручена. Перед домом высокая ограда с калиткой. Идеальное место чтоб уколоться и забыться.

Понятно.

Сегодня вечером компания наркоманов будет курить траву в подъезде дома, который построило СМУ.

Наркоман некоторое время топчется возле дома и, наконец, уходит. Теперь на улице появляется милиционер. Идет не торопясь, по-хозяйски осматривает окрестности. Это участковый делает обход территории. Возле дома участковый останавливается. Оглядывается по сторонам, задумчиво глядит

в спину удаляющемуся наркоману. Достает блокнот, что-то записывает и быстрыми шагами уходит.

Понятно.

Сегодня вечером будет милицейская облава на десять больных и дурных наркоманов, которые тихо курили траву в доме, который построило СМУ.

Следующий персонаж выходит из того самого дома. Этот человек умудрился, как и дом в котором он живет, сохранить свой облик неизменным с конца семидесятых. На нем серый мешковатый плащ производства фабрики "Красная Заря", на голове старая шляпа, в руке дерматиновый портфель. Когда-то он работал бухгалтером в том самом СМУ-5, и с тех пор не может забыть те замечательные дни. Типичный неудачник, на которого валятся все шишки.

Гражданин в шляпе останавливается у выхода и оглядывается по сторонам. Ничего не увидев, он тяжело вздыхает, обреченно машет рукой и бредет дальше.

Понятно.

Сегодня вечером гражданину в плаще случайно дубинкой дадут по башке во время большой милицейской облавы на десять больных и дурных наркоманов, которые тихо курили траву в доме, который построило СМУ.

По улице едет машина скорой помощи. Водитель в машине один и едет не торопясь - то ли отправился пообедать, то ли уже возвращается. Шофер останавливается напротив дома, минуты две стоит с работающим мотором, потом уезжает.

Понятно.

Сегодня вечером здесь будет стоять машина, в которой будут лечить гражданина в старенькой шляпе и сером плаще, который в толпе получил по башке во время большой милицейской облавы на десять больных и дурных наркоманов, которые тихо курили траву в доме, который построило СМУ

Подзываю официанта. Он приносит графинчик с водкой и маслины. Мозг требует

питания. Выпиваю стопку, запиваю пивом, закусываю маслинкой. Фантазия, почувствовав слабинку, отпускает тормоза.

Продолжаю наблюдать. По улице идет плотный мужчина в форме. Пытаюсь сообразить: это не военный и не милиционер. Ага, конечно, - пожарный. Я уже не удивляюсь тому, что пожарный останавливается возле дома и проделывает все положенное: оглядывается по сторонам, вздыхает и отправляется дальше.

А распоясавшаяся фантазия уже подсказывает.

Сегодня вечером в суматохе возникнет пожар, с которым не справится пожарных бригада, которой мешает у дома ограда, возле которой стоит машина, в которой лечат того гражданина, в старенькой шляпе и сером плаще, который в толпе получил по башке во время большой милицейской облавы на десять больных и дурных наркоманов, которые тихо курили траву в доме, который построило СМУ.

Откидываюсь на спинку легкого креслица и закуриваю. История складывается захватывающая. Теперь нужен завершающий штрих.

И вот на улице появляется какой-то северный человек: то ли эвенк, то ли ненец. А может - чукча. На нем расшитая хламида, под мышкой шаманский бубен. Закрываю глаза и трясую головой. Нет, это не наваждение - шаман стоит посреди улицы и разглядывает дом. Потом долго бродит по окрестностям, заглядывает в кусты, в подъезды домов напротив.

Перестаю за ним следить, он мне надоел. Выпиваю еще стопку водки и погружаюсь в раздумье.

Понятно.

Сегодня вечером ненецкий шаман будет плясать на пепле пожара, который не тушит пожарных бригада, которой мешает у дома ограда, возле которой стоит машина, в которой лечат того гражданина, в старенькой шляпе и сером плаще, который в

толпе получил по башке во время большой милицейской облавы на десять больных и дурных наркоманов, которые тихо курили траву в доме, который построило СМУ.

Все, пора закругляться, иначе я доиграюсь до второго всемирного потопа и третьей мировой войны. Допиваю пиво, рассчитываюсь с официантом и иду по улице. Проходя мимо злополучного дома останавливаюсь. На стене возле у входа, скрытое от кафе кустами и кроной деревьев, висит объявление. Большая фотография симпатичной собаки и ниже текст: "Пропала собака ризеншнауцер, кличка Кузя. Нашедшему вознаграждение 1000 долларов". Теперь понятно, почему прохожие здесь останавливаются. Тихо смеюсь над своей придуманной историей. Тоже мне - великий писатель.

Спохватываюсь, что стою перед домом как столб. Чтобы скрыть неловкость, делаю вид, что остановился специально. Глядясь в отражение в окне первого этажа, достаю

расческу и тщательно причесываюсь.
Потихоньку оглядываюсь на посетителей кафе
и понимаю, что они видят следующую
картину.

*Вот человек с модной прической,
Который стоит и держит расческу
Там, где главный шаман Нарьян-Мараа
Будет плясать на пепле пожара,
Который не тушит пожарных бригада,
Которой мешает у дома ограда,
Возле которой стоит машина,
В которой лечат того гражданина,
В старенькой шляпе и сером плаще,
Который в толпе получил по башке
Во время большой милицейской облавы
На десять больных и дурных наркоманов,
Которые тихо курили траву
В доме, который построило СМУ.*

MADE IN ISRAEL

Все хорошо

Это не рассказ о тяжелой судьбе автора. У меня и в самом деле все хорошо, и в каком-то смысле господин Z, с которым читатель познакомится чуть ниже, оказался, по-своему, прав.

Также это не рассказ о том, какой мерзавец господин Z. Он – вообще выдуманный персонаж, не более чем собирательный образ.

Это рассказ об одном коротком телефонном разговоре.

Перед отъездом в Израиль мне довелось пару лет проработать программистом в израильском культурном центре, сокращенно – КИЦ, в моем солнечном городе. Это было по тем временам очень хорошее место. Моя должность давала пусть не слишком большой,

но стабильный доход в долларах, что на фоне бешеной инфляции советского рубля, а потом и новой национальной валюты, было очень кстати.

Директором центра был некто господин Z – представительный мужчина, еврей ярко выраженного азиатского происхождения, с роскошной седой шевелюрой, и следами былой привлекательности на лице. Восточная пылкость Z вскоре стала известна всему городу – он не пропускал ни одной женщины, попавшей в его поле зрения. Те, независимо от возраста и общественного положения, благосклонно принимали его ухаживания, считая подобное внимание за большую честь. Мужчины, в свою очередь, также стремились всеми способами угодить знатному иностранцу.

Это потом, значительно позже, появилась пословица «курица не птица, Израиль не заграница». А тогда наш директор сумел поставить себя так, что все считали его чрезвычайно влиятельным человеком там, в

далеком вожделенном Израиле. А что для потенциального иммигранта может быть слаще возможности, еще находясь дома, подружиться с влиятельным израильтянином и, быть может, заручиться впоследствии его поддержкой!

Это был первый официальный израильтянин, с которым городские евреи могли встречаться и разговаривать в неофициальной обстановке. И народ из кожи вон лез, чтобы завести с ним дружеские связи. Господин Z не возражал. Он не уставал рассказывать, что в Израиле у людей его круга принято помогать новым репатриантам. Он прозрачно намекал на свои высокие связи и большие возможности. И не возражал, когда местные жители оказывали ему всевозможные услуги здесь, в их собственной стране.

Про взятки и так называемые подарки говорить ничего не буду, свечку не держал. Что я действительно знаю, это то, что директор очень любил ходить в гости. Он милостиво позволял будущим репатриантам

приглашать себя на обеды и ужины, но при этом был чрезвычайно разборчив в выборе. Принимая приглашение он давал понять, что оказывает пригласившим его большую честь. Хозяева были счастливы, и из кожи вон лезли, чтобы ублажить высокого иностранного гостя.

Впоследствии директор упорядочил этот процесс. Мы собрали целую базу данных о потенциальных репатриантах, и директор выбирал там интересующих его и давал список секретарше. Та обзванивала этих людей и предлагала устроить у них дома в выходной встречу с директором КИЦа, пригласив также близких знакомых и родственников хозяев. Предполагалось, что директор в тесном кругу и непринужденной обстановке расскажет об Израиле и ответит на вопросы хозяев и их гостей.

Претендентов отбирали с вниманием и усилиями, достойными лучшего применения. Я хорошо помню, как однажды нашел в своей базе человека, указавшего в графе профессия «директор банка». Это было довольно

курьезно – обычно встречались самые обычные еврейские профессии: врачи, музыканты да программисты. Был десяток директоров и десятка два сапожников. А тут такая редкая птица. Я немедленно позвал шефа и с улыбкой сказал ему, что вот, можете отчитаться перед начальством, еврейский бизнес в нашем городе процветает. Однако директору было нет до улыбок. Надо было видеть с какой тщательностью он переписал координаты банкира к себе в записную книжку. И напросился к нему в гости в ближайшую субботу!

Все это я описываю лишь для того, чтобы показать на какой уровень среди местных жителей сумел поднять себя деятельный иностранец, оказавшись в благоприятной среде местных жителей. Соответственно, мое место работы поставило и меня в глазах местного общества довольно высоко. Все потенциальные репатрианты города смотрели на меня с нескрываемой завистью. Еще бы – ведь я ежедневно по работе встречался с

великим человеком. Мое блестящее будущее в Израиле не вызывало ни у кого ни малейших сомнений. Все понимали, что моему директору будет достаточно одного звонка для устройства моей судьбы в Израиле. Ходили упорные слухи, что там меня ожидает должность руководителя отдела в Иерусалимском отделении фирмы IBM. Почему именно IBM, и именно в Иерусалиме? Не знаю. Видимо, ничего более крутого местные сплетники придумать не смогли.

Как бы то ни было, пришло время моему директору возвращаться в Израиль. Конечно же, перед отъездом он оставил мне свой израильский телефон и велел звонить сразу же, как прилечу. Словом, когда в следующий раз будете в загранице, непременно загляните.

Прошло время, и я в самом деле оказался в Израиле. Особых надежд на господина Z я не возлагал, к тому же было полно других проблем. Все же, где-то через месяц после приезда, я вспомнил о своем бывшем директоре и позвонил ему.

– Алло, господин Z? Здравствуйте, это Евгений, мы договаривались, что я позвоню вам когда приеду.

Пауза, г-н Z меня явно не помнит.

– Да, конечно, Евгений, здравствуй.

Молодец что позвонил.

– Это я, Евгений, программист. Я у вас работал в КИЦ...

В голосе появляются нотки узнавания.

– Да-да, рад тебя слышать. Поздравляю с приездом. Ты насовсем или туристом?

– Насовсем.

На том конце линии продолжают вспоминать.

– Это хорошо. Ты правильно сделал. Мы все должны жить здесь вместе в нашей стране.

Пауза. Судя по голосу меня наконец вспомнили.

– Ну, Евгений, рассказывай, как ты устроился? Как здоровье?

– Э-э, вы знаете, у меня есть проблема, врачи говорят нужна сложная операция.

В голосе Z появляется энтузиазм.

– Это хорошо! Это очень хорошо, что тебя посмотрят именно наши врачи. У нас в Израиле очень хорошие врачи. Это хорошо.

Пауза, короткое раздумье.

– Ну, а как у тебя с ивритом?

– Э-э понимаете, это довольно трудно, ведь я не могу ходить на курсы.

В голосе Z появляется еще больший энтузиазм.

– Это очень хорошо! Тебя вылечат и ты пойдешь на курсы! У нас в Израиле очень хорошие курсы иврита, и прекрасные преподаватели. Это хорошо.

Пауза. Усиленные размышления. Наконец найден очередной вопрос.

– Ну, а как у тебя с работой?

– Какая работа, Z, я еле ноги таскаю!

Энтузиазм на другом конце линии достигает пика.

– Хорошо, хорошо!! Вот видишь, тебе сделают операцию и ты поправишься. Потом ты пойдешь на курсы и выучишь иврит. А потом ты сразу найдешь работу, я уверен!

Здесь в Израиле очень хорошая работа!

Пауза. Энтузиазм в голосе сменяется чувством глубокого удовлетворения.

– Спасибо тебе, Евгений, что позвонил. Я рад был услышать, что у тебя все хорошо!

Короткие гудки в трубке.

Это не рассказ о трудностях иммиграции.

Это не рассказ о высокомерии коренных жителей.

Это рассказ об одном коротком телефонном разговоре.

Иврит

Прожив в Америке десять лет, я, наконец, выбрался в Израиль и зашел навестить своего старого школьного друга. Его не оказалось дома – как всякий программист он возвращался с работы поздно. Девиз хайтека во всем мире одинаков – преданность компании определяется не ранним приходом

на работу, а поздним уходом с нее.

В ожидании друга я пил чай с его не работающей женой, и тещей-пенсионеркой. В это время в квартиру заглянул сосед-израильтянин, и стал что-то говорить на иврите. Жена приятеля неуверенно переглянулась с матерью, а потом обратилась ко мне с просьбой помочь в переводе. Не зная иврита, я заговорил с вошедшим на английском. Оказалось, что парень вполне прилично говорит по-английски, хотя и с характерным израильским акцентом. Мы быстро выяснили незначительные соседские проблемы, и израильтянин ушел.

Я удивился, что обе женщины, живя в Израиле не знают иврита, но выяснять ничего не стал. Позже, когда вернулся мой друг, и мы вышли вдвоем покурить, я спросил, знает ли он иврит. Он рассмеялся и, по местной привычке, ответил мне вопросом:

— А как бы иначе я здесь работал?

— Однако, насколько я успел заметить, твои женщины иврита не знают?

Приятель вздохнул и рассказал мне следующую историю.

– Да, ты прав. За столько лет нашей жизни в Израиле ни Вероника, ни ее мама, так и не выучили иврит. Теща сразу после приезда решила, что поскольку пенсию ей дадут и без знания иврита, то учить иностранный язык ей совершенно ни к чему. Общаться она будет только со своими, местные ей на фиг не нужны, а по телевизору русских программ больше, чем в Москве.

Вероника первое время с удовольствием ходила на курсы, где щеголяла перед иммигрантками из отдаленных республик московскими нарядами и сплетнями из жизни известных артистов. По мере того, как задаваемые объемы росли, а полученные знания оставались на прежней нулевой отметке, началась критика преподавателя. Вероника и ее мама пришли к выводу, что преподаватель в группе никуда не годится, и конечно там Вероника язык не выучит.

Было предпринято организованное

наступление на дирекцию курсов. Для поддержки привлекли знакомую, служившую в министерстве по делам иммигрантов. Кампания требовала всех сил, к тому же на посещение инстанций требовалось время. Занятия на курсах, таким образом, были временно прекращены. Это никого не смущало – ведь скоро Веронику переведут в другую группу к прекрасному преподавателю с большим опытом, и под его руководством Вероника вскоре заговорит на иврите, как на родном языке. Время шло. Вожденную группу уже сформировали, и чтобы включить туда Веронику потребовались все имеющиеся связи.

Наконец, цель была достигнута. Вероника пошла заниматься в группу самого лучшего преподавателя. Группа начинала с самого начала, и те элементарные знания, которые Вероника запомнила с предыдущих курсов, дали ей некоторое преимущество. Две недели Вероника была первой ученицей в группе, и это оправдывало всю затеянную карусель. Обе

женщины были счастливы и горды. В разговорах с подругами, теща не уставала расхваливать Веронику, скромно добавляя, с каким трудом она устроила дочь в хорошую группу. По-моему именно это и было главной целью всего мероприятия. Как обычно, был важен сам факт присутствия в престижной группе. Мол и здесь, в Израиле, мы можем постоять за себя и достать дефицит.

Прошло еще две недели и я увидел, что Вероника снова перестала ходить в улыпан (языковые курсы в семье теперь называли словом на иврите, как это делают здесь все). Объяснение было найдено очень скоро. Оказывается, причина не в преподавателях. Все система улыпанов – бесплатных государственных курсов иврита – неправильна и бесполезна. Там никто и никогда не выучил иврит. Единственная возможность выучить иврит, убеждали меня жена с тещей, это платные курсы. Там принципиально другое отношение к ученикам. Там работают совершенно другие люди, которые

заинтересованы в результате своего труда потому, что получают за это деньги. В отличие от преподавателей в ульпанах, которые еле живут на свою мизерную государственную ставку.

Платные курсы требовали больших расходов, но язык учить надо, и я взял дополнительные часы на работе. На поиски подходящих курсов ушло немало времени, еще больше пришлось ждать, пока укомплектовывали группу. Через две недели после начала занятий выяснилось, что это неправильные курсы, и на них иврит, конечно же, не выучить. Единственный вариант, как утверждали знакомые, это какие-то особенные курсы на улице Ротшильд в Тель-Авиве. На этих курсах училась племянница Розы Самуиловны. Говорят, она выучила иврит так, что никто теперь не верит, что она приехала из СССР. Все считают ее коренной израильтянкой.

К тому времени, когда были найдены те самые уникальные курсы, где училась

племянница тети Розы, пошел второй год нашего пребывания в Израиле. Мы жили в небольшом городе, который по непонятной причине притягивал к себе новых русских репатриантов. Вероника с мамой давно освоились в нашем городке, в котором можно прекрасно жить, обходясь одним русским языком. Начиная от продуктовых магазинов и кончая поликлиникой и банком, все в нашем районе было к услугам местного русскоговорящего населения. Воплощение мечты эмигрантов, не желавших учить иностранный язык.

Однако, на курсы Вероника записалась. Это, все же, считалось престижным, а такого шанса она упустить не могла. Снова начались телефонные разговоры о потрясающих успехах Вероники. Все объяснялось престижностью курсов.

— Ну, вы же знаете, это такие замечательные курсы. Что? Да, конечно, это безумно дорого, но ведь какой они дают эффект! Моя Вероничка буквально на третий

день заговорила! Да, да. Нет, надо очень долго ждать. Там огромная очередь, они не успевают записывать всех желающих. Да, нам помогли устроиться. Да. Не знаю, я конечно спрошу про вас, но не могу ничего обещать.

Ни на третий, ни на пятый день Вероника так и не заговорила. Шестой день был выходным. А после выходных, Вероника на курсы не пошла. На этом изучение иврита было прекращено. Не потому, что больше не было вариантов, а просто она давно убедилась, что и без иврита она может жить здесь той жизнью, которая ее устраивает. Вероника с тещей уже не считали себя чужими. Это был их город, это была их страна, и язык в их мире признавался только русский. Однажды, я стал свидетелем того, как они в два голоса кричали на хозяина небольшого магазинчика за то, что тот не понял, о чем его просят. Когда я попытался их остановить и объяснить, что он в общем—то не виноват, они мне хором возразили:

— Нет виноват. Раз он не знает русского, то

должен нанять помощницу, знающую русский. Сейчас все так делают.

Вопрос с языком был окончательно закрыт. Официальная версия гласила следующее. Коренные израильтяне заинтересованы в том, чтобы русские не учили иврит. Тогда их будет легче обманывать и держать на тяжелой, низкооплачиваемой работе. Для всех курсов разработана специальная методика преподавания, и преподавателям даны соответствующие указания. Они вроде бы и учат языку, но на самом деле делают все, чтобы никто их язык не выучил. Поэтому выучить иврит русскоязычному иммигранту просто невозможно.

Эта тема мусолилась в бесконечных телефонных разговорах, и все соглашались с тем, что существует заговор на государственном уровне. В качестве доказательства теории о невозможности изучения иврита, подруги приводили самих себя.

Рисовая лапша с курятиной

К числу мелких удобств к которым быстро привыкаешь, но которыми с удовольствием пользуешься, относится заказ еды из ресторана на дом. Мое последнее увлечение – китайская кухня.

И вот я беру в руки уже достаточно затертое меню и, прищурившись, набираю знакомый номер на телефоне.

– Алло!

– Здравствуйте! Я хотел бы заказать еду на дом.

– Пожалуйста, назовите ваш адрес.

Дальше следует уточнения адреса, и ближайших ориентиров, затем выясняется номер моей кредитки, количество платежей и что-то еще, как это всегда бывает при заказе по телефону. Наконец, когда у меня уже начинает выделяться слюна, мы переходим непосредственно к заказу.

– Мне, пожалуйста, большую порцию

рисовой лапши с овощами и курятиной.

– Простите?

– Я говорю, мне рисовую лапшу. Большую порцию. Только запишите, что именно с курятиной, а то в прошлый раз вы мне прислали с мясом. А мне нужно с курятиной.

На том конце трубки недоуменное молчание.

– Эй, вы живы?

– Да-да, уточните пожалуйста, вы сказали «рисовая лапша»?

– Ну да. Это же ваше основное блюдо.

На том конце очередная пауза, сопровождаемая лихорадочным перелистыванием каталога. Затем меня просят подождать. Я слышу, что там происходит экстренное совещание. Мне слышны только отдельные слова: «рисовая лапша», «курятина» и, почему-то, «эти русские». Затем там принимают стратегическое решение.

– Ээ, вы говорите по-русски?

Я свободно говорю на иврите, хотя неистребимый акцент мгновенно выдает во

мне уроженца России. Справедливо возмущаюсь.

– Я в стране десять лет. Чем вас не устраивает мой иврит? Я не в первый раз делаю у вас заказ. Мне всего-то нужна порция рисовой лапши с курятиной. Что в этом сложного или непонятного?

Опять пауза. Слышно как кого-то зовут. Через минуту запыхавшийся голос спрашивает по-русски:

– Что вы хотели?

Повторяю заказ по-русски. Пауза. Я буквально слышу, как мой собеседник на том конце пожимает плечами.

– Но у нас нет рисовой лапши!

Я начинаю кое-что подозревать.

– Скажи пожалуйста, это китайский ресторан?

На том конце провода слышится неудержимый хохот. Отсмеявшись, парень объясняет:

– Ты ошибся номером.

– Но я же сказал, что хочу заказать еду на

дом. Зачем тогда у меня спрашивали адрес и номер кредитки?

– Все правильно. Мы рассылаем еду на дом. Вернее не совсем еду, а корм для собак и кошек.

Тут уже мы начали ржать вместе. Я не просто ошибся, набирая номер. Среди всех возможных абонентов я умудрился найти именно магазин, торгующий кормом для домашних питомцев, и отправляющий заказы на дом с посылными. Ну а на иврите "корм" и "еда" – это одно и то же слово.

Но это еще не конец истории.

Через некоторое время по Израилю поползли слухи, что «эти сумасшедшие русские» заказывают еду для своих собачек в китайских ресторанах, и особой популярностью пользуется рисовая лапша с курятиной. Центральная израильская газета разразилась большой статьей о том, как вредно кормить домашних питомцев человеческой едой.

Несколько газет на русском языке

перевели эту статью и подхватили тему. Из "проверенных источников" читатели узнали, что Филипп Киркоров с Аллой Борисовной кормили своего пуделя исключительно котлетами по-киевски, которые готовил их личный повар. А собакам миллиардера Абрамовича, как утверждали газеты, еду привозят из центральных лондонских ресторанов.

Я, кажется, догадываюсь, что явилось причиной появления этих статей. Израиль — страна маленькая.